

МИХАИЛ ДОРИН

АВИАТОР 7
НАЗАД В СССР

Михаил Дорин

Авиатор: назад в СССР 7

«Автор»

2024

Дорин М.

Авиатор: назад в СССР 7 / М. Дорин — «Автор», 2024

Силы противника таяли с каждым днём. Восточная часть Афганистана постепенно переходила под контроль законной власти. Но враг по-прежнему был опасен и не собирался сдаваться. Родину и его боевым товарищам пришлось вступить в очень тяжёлую борьбу с очередными отрядами мятежных сил. У духов было всё, чтобы нанести поражение советским войскам на западных границах. Однако, самым опасным ударом стал тот, который нанесли со спины.

© Дорин М., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Михаил Дорин

Авиатор: назад в СССР 7

Глава 1

Счёт шёл на секунды. Преодолевая боль и звон в ушах, подполз к технике. Обхватив его руками и ногами, я несколько раз перекатился с ним в сторону траншеи, чтоб как можно быстрее уйти с траектории движения УРАЛа.

– Давай! Ещё немного, – крикнул я, крепко прижимая к себе раненного.

Горящая машина пронеслась в метре от нас. Однако керосин уже подступал к горящим ящикам около Су-25го. Нужно было передвигаться быстрее. Но не так уж и просто преодолеть эти метры бетонного покрытия. Вдобавок, моё лицо заливает пот с кровью раненного.

Мы уже почти докатились к траншее, как из неё вылез Дубок. Схватив меня за край куртки, он потянул нас на себя, втаскивая в укрытие и падая сверху.

Раздаётся мощный взрыв. Всей нашей группе было уже весьма тесно в яме, поскольку прибежал ещё личный состав, работавший на стоянке.

На полосу прилетали снаряды, дробя её на части, поднимая в воздух кучи камней от бетонных плит. Сейчас, при всём желании, взлететь не получится. У нас просто нет полосы.

Ещё несколько разрывов, и вот уже снаряды бьют недалеко от командно-диспетчерского пункта. Один, второй снаряд и сквозь дым я заметил, что взрыв раздался рядом с окном, где находилась комната лётного состава.

А взрывы продолжали грохотать. Самолёты, что были с боевой зарядкой, тушить никто не станет. Остальные – уже поздно. В этом едком дыму целыми ещё стояли самолёты нашей эскадрильи. Ни один снаряд не прилетел в них.

Сквозь крики, вой сирен и взрывы, слышался звук вращения винтов. Мы наблюдали за тем, как готовятся взлететь два вертолёт. Пара взмыла в воздух и заняла курс, уходя в сторону горного хребта Шингар.

Сейчас наши вертолётчики должны будут поразить все огневые точки противника. И ведь духи не перестают обстреливать базу, которая задыхается в чёрном дыму.

Но вот с земли произведён пуск. Ми-24 начал уклоняться от ракеты ПЗРК. Уйти не удаётся, и в воздухе происходит взрыв. Вертолёт начал дымить, а затем и гореть ярким пламенем. Через пару секунд он столкнулся с поверхностью.

Второй принялся отстреливать всё, что у него было на борту. В бой пошли неуправляемые снаряды, а также большая вереница ловушек. Но и это не спасло ребят от очередной ракеты.

Кажется, так и не сможем мы поразить этих тварей. Полоса не в работе, магистральная в огне, а дежурному звену вырваться мешает горящий топливозаправщик, который техники смогли лишь оттолкнуть в район рулёжки.

И вот на горизонте очередные вертолёты, резво выполняющие отвороты по курсу и заходящие на цель. Залп, и многочисленные снаряды летят по наземным целям. Теперь заходит второй и также отрабатывает. В течение пары минут два «крокодила» Ми-24 и один Ми-8 непрерывно подавляют огневые точки. На этом мучения базы прекращаются.

Я смотрю в сторону командно-диспетчерского пункта. В стене, как только немного улеглась пыль, показалась большая дыра.

– Твою мать! – выругался я и побежал к своим товарищам.

Возможно, уже никого и нет в живых, если реактивный снаряд прилетел в комнату. Преодолев магистральную рулѐжку, я уже был рядом с разбитой стеной. Из дыры выполз Барсов, схватившийся за уши. Видимо, его здорово оглушило, раз он не понимал, что происходит.

– Марк? Слышишь? – кричал я, но Барсов лишь смотрел на меня с непониманием.

– Не слышу, Серый! Вообще, не слышу, – громко сказал Марик, держась за голову.

Гнётов, прибежавший следом, потащил меня в комнату. Внутри всё было в пыли и забросано камнями. Хороший интерьер был испорчен, кондиционер от взрыва отбросило в шкаф с документами, а магнитофон слабо играл легендарный хит группы Оттаван про поднятые вверх руки.

Ни одного стога, ни криков и ни единого признака жизни. Кажется, всех завалило разрушенной стеной. Я принялся руками откидывать кирпичи в надежде, что докопаюсь и найду чѐ-либо тело. Григорий Максимович делал то же самое, но никаких следов.

– Как думаешь, наших завалило камнями? – спросил Гнётов, и тут же толкнул меня в плечо.

У дальней стены открылась дверь. Как ни в чѐм не бывало, в разрушенную комнату протиснулся Гусько. Осмотрев разрушенное помещение, он поставил руки в боки и посмотрел на нас.

– А вы говорите, что не помогает верблюжья колючка. Вон, из-за неё я в туалет побежал, а тут началось, – крикнул Гусько и стал продвигаться к нам. – Не ранены? – предложил он нам сигареты, но мы с Максимовичем отказались.

– Мы-то да, а где остальные? – спросил я.

– Кушать пошли. Мы с Мариком решили не травить себя такой едой, – сказал Гусько. – Пошли помогать.

– Не знаю как ты, а я устал, Сергей, – произнёс Гнётов, присаживаясь на груды камней.

– Марк, ты как? – спросил я и тут же повернулся на выкрикивающего что-то Барсова.

Тот ещё оставался глухим, и что-то у него спросить было бы сложно.

Остаться здесь смысла не было, и мы направлялись бегом к стоянке самолѐтов.

Вскоре мы уже начали грузить раненых в «таблетку», чтобы отправить в госпиталь. Афганская стоянка ещё взрывалась, и тушить её никто не собирался. При беглом взгляде, можно сказать, что их авиацию уничтожили полностью.

У нас же потери в технике были гораздо меньше. Можно сказать, кроме Су-25го и повреждённого спецавтотранспорта потерь и не было. Наши МиГ-21 ещё не осматривали, но визуально они были целыми. Другое дело с людьми.

– Тихо брат, – говорил я обгоревшему технику, чѐ лицо было совершенно покрытым волдырями от ожогов.

Сам он сильно трясся и стучал зубами.

– Так-так, давай дружок! – подбадривал Гусько пухлого парня, который лишился ноги.

Тот самый Мамочкин, художник, так натурально рисовавший девушку в палатке техсоства.

– Ну вот, а я хотел бегать начать по утрам, – не терял крепость духа пухляш, когда его грузили в машину.

Пока мы помогали медикам, на посадку зашли «крокодилы». К вертолѐту уже бежали Араратович, техники, которые ещё были в строю, и ехал ГАЗ-66 с медиком, чтобы забрать раненых.

Одного из выскочивших из кабины лѐтчиков, узнавать долго не пришлось. Наш уважаемый генерал Хреков принимал доклад от Бажаняна, но долго слушать не стал. Он начал показывать на заходящий на посадку Ми-8. К нему и устремился ГАЗ и техники.

Генерал увидел нас. На ходу он снимал свой шлем и расстёгивал разгрузку с боекомплект-ом. Автомат он отдал своему лётчику-оператору и подошёл к нам.

– Что скажете? – задал он вопрос и поздоровался со всеми за руку.

Барсов не сразу понял, чего от него хотят, но Гусько объяснил генералу, что с ним.

– Ладно, этот ваш сердцеед не слышит, вы чего молчите? – ещё раз громко спросил Хреков, отдав Барсову свои вещи и достав сигарету.

– Нам надавали по первое число, товарищ генерал, – сказал Гусько.

– Замполит, и это говоришь мне ты? – удивился Андрей Константинович. – Как-то конкретнее можно?

– Можно. Нам дали пи... – решил пояснить Савельевич.

– Не настолько, майор, – остановил его Хреков. – Я смотрю, ваша эскадрилья почти не пострадала?

– Повезло, – сказал я.

– Я и вижу, что весь запас удачи вы забрали себе, – произнёс генерал, оглянувшись по сторонам. – Летел к вам с тыловыми проблемами разобраться и обсудить этот ваш залёт в Иран. Помнишь такой случай, Родин?

– Так точно. Уже есть по нам решение?

– Оно уже давно было принято. Правда, в свете всего произошедшего и этих ваших гепатитов, золотух, простуд и других болячек, считайте, что решение пересмотрели, – ответил генерал и подошёл к Дубку, который вешал чехлы на самолёт.

Удивительный человек, Елисеевич! Руки у него обожжены, столько людей вытащил и продолжает работать.

Хреков что-то настойчиво рассказывал технику, который возвышался над ним. Определить, хвалит он его или даёт указание, было сложно, но стандартный жест в виде конфеты Дубок и тут не забыл. На удивление, генералу это пришлось по душе, и он одобрительно похлопал Елисеевича чуть выше поясницы. Выше не смог дотянуться.

– Короче, всем в госпиталь, – вернулся Хреков к нам в сопровождении Дубка. – Кровь наверняка нужна будет. Может, чего принести, подать и так далее, – сказал генерал, осмотревшись вокруг. – Тут, как я понял, от вас толку мало. Молодцы, что ребятам помогали. Они этого не забудут. Тигран Араратович, со мной по аэродрому. Будем смотреть повреждения. И блокнот не забудь. А вы своего техника здесь не оставляйте, а то он так и до завтра работать будет.

Госпиталь был таким же каскадом модулей и палаток, как и в Баграме. В санитарном приёмнике наша пятёрка была, словно привидения.

Дубка приняли медсёстры сразу, как только заметили его ранения. Нас обходили стороной, просачивались между, отодвигали, но никто так и не спросил – какого лешего вы сюда припёрлись?

– Мальчики, вы вроде целые. Давайте потом за прививками, – сказала нам одна из медсестёр, несущая по две стойки капельниц в руках.

– Мы кровь сдать, сестрёнка, – сказал Гусько.

– Ох, крови у нас хватает, – тяжело вздохнула она.

– Тогда нам можно уходить? – спросил Гнётов, но медсестра резко замотала головой.

– Так, вы кровь сдавать? – подбежал к нам врач, спешно надевавший на себя халат.

– Конечно. Нам сказали, что у вас её может быть недостаточно, – ответил ему Гусько.

– Обычно хватает, то есть много раненых сегодня, – объяснила медсестра и заспешила в коридор, ведущий к палатам.

Нас провели по коридору, где стоял весьма специфический запах йода и обгоревшей кожи. В палатах на койках кричали раненые, требовавшие обезболивающее. Из процедурных выходили забинтованные пациенты, удерживаясь на ногах только при поддержке медсестёр.

Мимо нас медбраты протолкали каталку. На ней лежал голый и худой афганец. Его плоть была истыкана окровавленными ватными затычками, похожими на тампоны. Сам парень уже был белого цвета, и жизнь из него уходила с каждой секундой.

Наконец, нам предоставили помещение и медсестру, которая занялась приёмом крови. В условиях дефицита мест для раненых, мы оказались в одной процедурной с раненым техником из афганской армии.

Марк уже отошёл от своей глухоты и спокойно мог разговаривать.

– Не по себе мне, – сказал Барсов, кивая в сторону афганского военного.

Местный военнослужащий получил сильные ожоги сегодня. Его лицо будто кипело, пузырилось и отекало липкой чёрной смолой. И сквозь этот набор страшных ран, смотрели выпученные от боли глаза.

– Эй вы, лётчики? – медленно спросил афганец на дари.

Все переглянулись, а потом уставились на меня. Мол, только я упражняюсь в иностранных языках и могу его понять.

– Да, советские лётчики, – с сильным акцентом ответил я.

– Я тоже. В Су-22 сидел, когда взрыв произошёл. Запомните, это был не обстрел, а диверсия, – сказал афганец, еле-еле собираясь с силами, чтобы произнести очередное слово.

– Ты бы лежал спокойно, – сказал я.

– Чего он говорит? – спросил Гусько, но мне нужно было стараться не упустить, что говорил афганец.

– Мой самолёт взорвался не от снаряда, – сказал он, еле подбирая слова. – Есть... кхи-ана, – произнёс афганец.

С последним словом, в процедурную зашли медсёстры и укатали пациента. А я стал вспоминать, что означает крайнее слово.

– Так чего он сказал? – никак не успокаивался Гусько.

– Говорит, что диверсия произошла на аэродроме, – сказал я, продолжая вспоминать значение слова «кхиана».

– Вот он нам вселенную открыл, – усмехнулся Барсов, ковыряясь в ухе.

– Вопрос в том, как так вышло, что они знали, куда бить. Возможно, они не сильно хотели разбомбить базу, – предположил я.

– И, тем не менее, это у них получилось, – сказал Гнетов.

– Да, но ведь во всём этом шуме и гаме, вы не заметили, куда прилетели несколько снарядов, причём кучно? – подметил я.

Возникло общее молчание. Неужели, все настолько слепы?

– Ну, до склада с вооружением ни один снаряд не долетел. Наши самолёты, почему-то, тоже не повредили. Су-25 не в счёт. Топливо разлилось только из пробитых цистерн, – рассуждал Гнетов.

– А я знаю! – воскликнул Барсов.

– И куда? – удивлённо, спросил я.

Похоже, что Марик догадался. А ведь я его глупым считал.

– Они метили в продуктовый склад, чтобы лишить нас последних остатков еды, – сделал умозаключение Марик.

Похоже, поторопился я занести в актив Барсову его соображалку. Всё тот же балбес!

– Я насчитал четыре снаряда, направленных в лётную комнату. Где тебя, любителя зарубежной дискотекы, чуть не прибило. Или ты от магнитофона так оглох? – спросил я у него.

– От таких звуков, что поставил Савельевич, разве оглохнешь. То ли дело Пинк Флойд или Битлы, – улыбнулся он.

Я выдал свою версию, что целили духи в афганских лётчиков. Они могли быть осведомлены, что именно в этом торце здания командно-диспетчерского пункта была их комната отдыха, где они частенько заседали.

– А мы оказались там случайно. И только благодаря тому, что один из нас побежал в туалет, а второй спал в дальнем углу на диване, жертв нет, – задумчиво, произнёс Гусько. – Как-то, не рассчитали душманы.

– Предлагаю всё это рассказать Араратовичу и Хрекову. Ну и про Полякова не забыть, – сказал я.

– Да зачем это нужно?! – махнул Савельевич. – Потом будет особист вызывать к себе на допросы. Бажаняну скажем и достаточно.

– Евгений Савельевич, вы не правы, – решил я не соглашаться с замполитом. – Кто знает, может на базе есть те, кто сливает информацию.

– Серый, тебя шандарахнуло сегодня что ли? Естественно, на базе есть те, кто стучит душманам. Среди афганцев их немерено, – продолжил гнуть свою линию замполит.

– Плюс, охраной периметра базы и подступов занимаются они, – почесал подбородок Гнетов.

– Вот именно. Так, что давай вы не будете пороть горячку, и спокойно отдадим этот случай на рассмотрение Араратовичу, – кивнул Гусько.

– Савелич, мы всё равно расскажем. Сначала Бажаняну, а потом и особисту. Иначе наш комиссар особого отдела будет иметь виды на нас всех. Он уже Гаврюка и Родина держит на карандаше, – сказал Гнетов, на что Гусько попробовал что-то возразить. – Это не обсуждается, Евгений Савельевич.

Разочарованный тем, что придётся согласиться с мнением большинства, Гусько откинул голову назад и прикрыл глаза.

Следующий день мы провели в различных допросах, разборах завалов в комнате отдыха на КДП и помощи своим однополчанам в наведении порядка. Полёты, само собой, пока были приостановлены, а в Шинданд прибыло большое начальство во главе с самим командующим 40й армией, или по-другому ограниченным контингентом советских войск в Афганистане, генерал-лейтенантом Ткачом Борисом Ивановичем.

Темноволосый, тучный и очень дотошный человек. Основной упор он делал на обустройство частей в Афганистане.

– Я много раз говорил, и буду говорить! – ругался Ткач, проходя по разбитым дорогам в жилом городке и указывая на недостроенные модули. – Солдата нужно одеть, обуть, накормить и только потом требовать. Что вам неясно, товарищ начальник тыла?

Стоявший рядом с ним огромного размера полковник, похожий на разбухшую мочалку, кивнул и продолжил рассказывать очередные «сказки» о большой работе тыла.

– Ты мне прекрати это! Я генералу Хрекову верю, – сказал Ткач, пройдя мимо нас, когда вкапывали очередной часток из бомботары. – Кто такие? – спросил Ткач у Гусько.

– 236й истребительный полк из Осмона, товарищ командующий, – выпрямился Савельевич. – Майор Гусько, заместитель командира по политической части.

– Замполит-строитель? Всё видел, но такое впервые, – сказал Ткач. – Лётчик?

– Так точно.

Взгляд у командующего был таким, что он сейчас готов был вырвать из рук Гусько молоток и отдать его тыловику.

– У нас лётчиков много, да полковник? Живее здесь нужно строить всё и людей заселять, – пригрозил пальцем генерал, и делегация пошла дальше.

– А пойдёте, товарищ генерал в столовую. Я вам и покажу, что жалобы были преувеличением, – весело предложил тыловик.

Как я понял, ничего у нас в питании не поменяется. Сейчас генерала покормят, как в ресторане «Метрополь» и скажут, что так кормят всех. Борису Ивановичу бы пообщаться с солдатами, которые выживают здесь.

Вечером следующего дня, когда уже было достаточно позднее время для бесед, к нам пришёл сам Хреков в сопровождении Бажаняна и командира штурмовиков. Чтобы все были в курсе, к нам набились в палатку вертолётчики и лётчики Су-25х. Генерал хотел переговорить со всеми сразу, чтобы не было сарафанного радио. Вместить такое количество народа было очень тяжело, поэтому пришлось задействовать и второй ярус кроватей.

– Так, циркачи, по итогам предварительного разбирательства сделали вывод, что имела место быть диверсия. Толковая и очень результативная, как показали итоги осмотра аэродрома, – подытожил генерал, присаживаясь на табуретку, но его резко остановил Гусько.

– Нет! Это очень хрупкий стул, – сказал Савельевич, выдирая из-под задницы генерала табурет. – Вот этот будет более надёжный, – предложил он стоявший рядом.

– А с чего он решил, что этот выдержит? С него вчера Гнетов шандарахнулся, – шепнул мне на ухо Марк.

– Сложно починить? Или образование не позволяет? – грубо сказал генерал, на что Гусько ответить было нечего. – Теперь по тебе, Григорий Максимович. Сегодня мы послушали ваше донесение. Сразу скажу, что бред полнейший и не соответствующий мыслям командования.

– Разрешите уточнить... – поднялся со своего места Гнётов, но генерал не дал ему продолжить.

– Не разрешаю, но уточню. Какой к чёрту предатель? В каких рядах? Вы уверены, что этот покойный афганский товарищ именно это сказал? – спросил Хреков, и я встал со своего места.

Слово, которое я не смог сразу перевести, означало предатель. Афганец намекал, что предатель среди нас – советских. Своего бы предателя он назвал шайтаном и добавил что-то из Корана.

– Товарищ генерал, я отчётливо слышал всё, что говорил этот афганец. Переводил тоже я...

– Ну, вот и два балла тебе за перевод! – крикнул Хреков, показывая мне жестом, чтобы я сел. – Забудьте этот бред на смертном одре. Теперь к делу.

Генерал рассказал, что под афганскими самолётами были установлены мины с часовым механизмом. В назначенное время они начали взрываться. Одновременно с этим заработали установки РСЗО.

– Откуда-то у этих ребят появились реактивные установки Тип-63 на УАЗах или просто на колёсной базе, – сказал Хреков, покачиваясь на стуле.

Этот момент вызывал уже обеспокоенность. Не так страшны Тип-63, как гнев Хрекова, если он сейчас свалится со стула.

– Били очень кучно. Работа расчётов была очень быстрой. Где их так натащали догадаться несложно, – сказал генерал, и очень сильно отклонился назад.

Стул слегка хрустнул, но Хреков продолжал говорить, не обращая на это внимание. Лицо Гусько было бледным от волнения. Савельевич уже был на самом краю гибели. Не представляю, за счёт чего сейчас держится этот стул. Кто-то попробовал перебить генерала, чтобы предупредить о нарушении целостности стула. Хреков был непреклонен. Он продолжал рассказывать.

– Командующий армией сегодня официально доложил в Москву, что мы рано похоронили спецназ духов «Чёрный аист». Так, что... где он у меня... Алён, мать его, Делон! Вот он, – увидел Барсова генерал и улыбнулся. – Не всех ты похоронил тогда отборных воинов в том здании, когда сбросил бомбу на бывшую школу.

– Товарищ генерал, так значит и полевые командиры... – начал говорить я, но Хреков меня перебил, встав со стула.

В этот момент он и развалился на части. Андрей Константинович пару секунд не сводил глаз с разрушившейся конструкции и чесал затылок.

– Вы мне весь вечер про это хотели сказать? – спросил генерал, указывая на обломки.

– Ага! – хором ответили все.

– Ладно, – махнул Хреков. – Так, о чём это я... верно, говоришь, Родин! Живой наш Масуд, лев этот плешивый. Перевёлся сюда и готовит набеги на Герат, Шинданд, Кандагар и так далее. Как видите, с нашей базой у него получилось.

– Есть уже планы, товарищ генерал? – спросил Гусько.

– Есть. У нас есть всё. Как только восстановят полосу, начинаем работать с «туполями».

Глава 2

Полосу латали очень быстро. В Шинданде базировался отдельный батальон аэродромно-технического обеспечения ОБАТО, которому пришлось выполнить очень тяжёлую работу. Восстанавливать аэродром после таких повреждений нужно было как можно быстрее. Из афганских союзников работники никакие.

Так что потребовалось усиление. Занимались ремонтом полосы аэродромщики как с нашей базы, так и прибывшие им на подмогу специалисты из Союза.

Материалы притащила целая эскадрилья вертолётчиков Ми-6 и Ми-26, совершавших рейсы почти всю ночь. Не знаю, как можно оценить труд людей, которые в жару меняют покрытие, заливают специальным составом швы между плитами, а также латают бетон буквально на глазах.

Обиднее всего было наблюдать, что начальник всё того же тыла с интересной фамилией Хватов, «кормивший» командующего армией хорошей едой, вёл себя с прибывшими специалистами и нашими БАТОшниками очень уж некрасиво.

Один из эпизодов меня просто убил морально.

Мы с Дубком проводили работы на самолёте, поскольку помощников у него не осталось, а на «усиление» ребята прилетят только завтра. Несколько солдат во главе с прапорщиком заливали швы прямо напротив нас. Тут подъехал этот товарищ на «служебном» РАФике. Тот самый микроавтобус с зазнавшимся водителем, которого мы с Валерой встретили в самый первый день прилёта в Шинданд.

– Так, прапорщик, я у тебя солдат забираю. Они по моему плану будут заниматься, – сказал полковник Хватов с видом настоящего помещика.

Что же это за стратегическая задача, что прямо сейчас ему нужны бойцы.

– Товарищ полковник, это не военнослужащие местного БАТО. Они прибыли по указанию вышестоящего штаба, а именно ТуркВО, – начал объяснять седой прапорщик. – Забирать их нельзя.

– Ты меня не понял? Они пойдут сейчас работать по моему плану, а ты тут сам как-нибудь, – повысил голос полковник.

Вид у солдат был потерянный. Кажется, им совсем не хотелось уходить с полковником. Я решил, что нужно вылезти из кабины и пойти оказать какую-то помощь прапорщику. Хотя, чем может ему сейчас помочь простой лейтенант, как я. Лейтенант КГБ мог бы.

– Ты у меня сегодня под арест пойдёшь, воин седовласый, – грозил полковник.

– Товарищ полковник, лейтенант Родин, разрешите обратиться? – спросил я.

– Лейтенант, ты чего пришёл? Сидел в своей кабине, вот и сиди, – гаркнул на меня Хватов.

– Я просто хотел бы быть свидетелем того, как вы отдаёте приказ товарищу прапорщику переподчинить вам этих бойцов. А вы, куда их отправляете? – спросил я.

– Слушай, лётчик, иди отсюда. Пока я тебя вместе с ним на губу не отправил, – выругался Хватов. – Были бы в моём подчинении, я вас всех лодырей авиационных заставил бы лес рубить.

– Как нам повезло, что в Афганистане лес не такой густой, – вздохнул я.

Тут полковника понесло. Во всём у него виноваты все, только не он. В первые ряды он меня и прапорщика записал.

В конце концов, бойцов пришлось с ним отпустить, поскольку полковник отдал приказ, приложив руку к голове.

– Против такого не попрёшь, сынок, – тихо сказал прапорщик. – Разрешите идти, товарищ полковник? – спросил он у Хватова и тот указал ему вернуться к заделыванию скола на магистральной рулёмке.

– А ты лейтенант чересчур разговорчивый, – подошёл полковник ко мне ближе. – Доложу куда надо, чтобы с тобой провели беседу.

– Зачем же? Готов лично доложить о сделанных мне замечаниях своему командованию, – сказал я, после чего глаза Хватова вылезли из орбит. – А не уточните, когда будет выдача обмундирования?

– Пошёл вон! – крикнул полковник и указал мне на самолёт.

Кажется, теперь заточил на меня зуб тыловик. Эх, а с Гороняном в Баграме лучше было. Тот был более хозяйственным, чем этот полковник.

Хватов являлся старшим оперативной группы управления тылом на направлении Кушка – Герат – Шинданд – Кандагар. Всё «хозяйство» было на нём. Трудился он и, правда, очень много. Вот только в наших желудках это не чувствовалось. И не только в наших.

Постепенно стали возвращаться в строй и наши товарищи. Валера и Паша прибыли посвежевшими, но безрадостными. Пить нельзя, пока не проколят весь курс лекарств. На то, что необходима реабилитация после болезни решили не смотреть.

Врач Коля Немцов начал уже «бить в колокола», что местного питания недостаточно для нормальной лётной работы. Тому было много примеров. Например, очередь в туалет утром нужно было занимать с вечера. Запасы активированного угля и другие таблетки от и для желудка у врача стали подходить к концу, поскольку каждый день на предполётном осмотре у вертолётчиков кто-нибудь требовал спасительное лекарство.

Вечером наш врач пришёл к нам, чтобы обсудить какое-то дело с Гусько. Но сначала Немцов поведал, что сегодня двое бойцов получили травмы при обустройстве бани.

– Это как? – спросил Барсов, зачёсывающий свои светлые волосы назад.

– Что-то взорвалось там. Бойцов, которые приехали с Союза полосу чинить, использовали не по назначению, – сказал Немцов, и я понял, о ком идёт речь.

Доктор рассказал, что у одного оторвало пальцы на руке. А я вспомнил, что это те самые солдаты, которых сегодня взял с собой Хватов. Вот же зараза! Теперь парни поедут домой с травмами, полученными на ровном месте.

– Я так не могу, – жаловался нам Коля, мотая своей рыжей головой в стороны. – Звоню в Кабул, а мне говорят, что всему виной вода. Мол, кормят нормально, а вы, «авиация» просто зажрались!

– Пока поймут беспечность тылового начальства, ещё куча народа сляжет, – задавался столь сложным вопросом Гнётов, помешивая макароны в кастрюле.

Сегодня нам провели свет от генератора, так что теперь он должен быть у нас постоянно. У Николая решил кое-что спросить, раз он приехал на место Ольги.

– Коля, ты с Вещевой не пересекался перед отъездом? – спросил я, отведя его в сторону.

– Неа. Сам же знаешь – я в вертолётном полку был, а она в вашем. Мне разнарядка пришла и через два дня я уже в Баграме был.

– Ладно, тогда все вопросы отпадают, – махнул я рукой и собрался пойти обратно к толпе, но Немцов меня остановил.

– Ты погоди. Я краем уха слышал, что она как-то резко уехала, и никто не знает почему. Срок командировки ведь у нас минимум год, а то и два. Это лётный состав обязательно через год на замену, – сказал Коля, прикуривая сигарету. – Завтра борт будет от нас в Осмон. Полоса ведь уже готова. Передай письмецо.

– С чего ты решил, что мне вот так надо ей письмо писать? – улыбнулся я.

– Блин, Родин, ну ты даёшь! Полмедсанбата на ваши отношения ставки делали. До сих пор нет-нет, да и проскакивает эта тема.

Не армия, а рассадник букмекеров!

– Спасибо за подсказку. Завтра перехвачу экипаж.

Пока мы ужинали, Савельевич обсуждал с Немцовым возможность производства «анти-грустина».

– Коля, обстановка сложная. Выдача спирта на стоянке пристально контролируется, – объяснял Гусько Немцову, наливая свой «лечебный» отвар в кружку.

Ну, теперь понятно, почему был сегодня приглашён Коля на ужин. Хотя, никто против не был его присутствия. Он же, не с пустыми руками пришёл. Небольшую ёмкость на будущее принёс. Оставалась у него привезённая с Союза пара бутылок «Столичной».

– Так, а я тут при чём, Евгений Савельевич? – удивился Немцов.

– Тогда слушай внимательно, – похлопал его по плечу Гусько.

Савельевичу нужно место, где можно начать производство самогона. В палатке ему это категорически запретили общим собранием. На аэродроме мест тоже не особо много, где спрятать можно. Вот и придумал Гусько привлечь к этому нашего рыжего доктора, поместив к нему в подсобное помещение своё оборудование.

– Расходы на приготовление продукта беру на себя, – сказал Савельевич, и тут уже Немцов призадумался.

Как я понял, эти два профессиональных сомелье нашли друг друга. Предварительное соглашение было ими скреплено крепким рукопожатием. Тут же Гусько представил нам новую продукцию своего «бренда» – квас собственного приготовления.

– И как это у него получается! – удивился Гнётов, когда Савельевич вытащил откуда-то армейский термос на 36 литров.

– Это вам уже не колючка! – с гордостью заявил Гусько. – Настоящий, охлаждённый и полностью натуральный. Всем рекомендую пить, пока бесплатно.

Оказывается, Савельевич предлагал наладить выпуск этого прохладительного напитка в столовой. Конечно же, был послан. Однако, наш замполит применил всё своё умение договариваться и... пару литров хорошего авиационного спирта. Благодаря этому и получил нужные ингредиенты.

– Всё просто! – с воодушевлением рассказывал Гусько. – Вода очищенная, десяток булок хлеба, отложенный мной сахар и процесс пошёл!

– Ай ты, Женя, нехороший какой! Сахар бы лучше на брагу пустил! Этот отвар никто пить не будет кроме тебя! Я мамой клянусь десять тысяч раз, близко не подойду, – ругался Бажанян со свойственным ему колоритом.

– Араратыч, ну ведь хороший напиток. Сам проверял, – зачерпнул кружкой квас из термоса Савельевич и предложил Бажаняну.

Наш зам по лётной подготовке долго ругался и отталкивал кружку. Всё же, через пять минут Араратович сдался и, закрыв глаза, выпил квасу.

– А хороший напиток. Зря быковал на тебя Савельевич! – похлопал в ладоши Бажанян.

Все ринулись пробовать квас. Кроме меня. Что-то мне подсказывает, что в термосе квас с эффектом замедления. Я постарался отговорить хотя бы Марика, который сегодня должен был пойти к какой-то Фросе на свиданку.

– Я когда это имя услышал, не поверил. Монахини обычно носят такое, – сказал Марик, выпивая уже второй стакан кваса.

– Фрося... хм, с таким именем у тебя ещё не было! – удивился я. – Ты бы на квас не налегал. Предполагаю, что он себя ещё проявит.

– Родин, ты всегда паникуешь раньше времени. С Вещевой так же. Она, небось, тебя ждёт у окошка, когда ты со звездой Героя к ней на белой «Волге» приедешь, – хлопнул меня по плечу Марк и поднялся с места.

Накопить бы ещё на эту «Волгу». Плюс, очередь нужно дожидаться на автомобиль. В этом отношении в Союзе вообще проблема. На всё очередь – за колбасой, водкой, в туалет и на машину тоже.

Марик убежал по делам, а за столом уже начали обсуждать дальнейшие боевые действия.

– Араратович, когда уже в полёт? Засиделись, – спросил Буянов, отодвигая от себя пустую тарелку с остатками макарон и тушёнки.

– Скоро. Полоса готова. Завтра постановка большая будет, – ответил Бажанян и встал из-за стола, потирая волосатый живот. – У нас народу мало. Если прикрывать дальников, то мы будем летать сутками. Нас всего десять человек истребителей. Четверо садятся в дежурное звено, а остальные на прикрытие.

– А с Союза никто не может их сопровождать? – спросил я.

– Может, но Хреков не хочет. Продолжает в Чапаева играть. Ещё бы усы отрастил и не отличишь. Всё на себя тянет! – ругался Бажанян, продолжая потирать живот.

– Ну, пока у нас в Шинданде только вертолёты работают. Не торопит он нас с вылетами, пока...

– Это он тебе не говорил, Савельевич! А мне каждый раз – чего не бомбим? Когда полетим? Я говорю, запасов нет бомб. Он к тыловикам, а у тех вечно: то рубашка засучилась, то напасть приключилась, – прервал Бажанян замполита и слегка поменялся в лице.

Всем за столом стало очевидно, что у Бажаняна начали происходить изменения в животе. Заработал пищеварительный процесс.

– Ой! Ёй! Быстрее! – послышалось со стороны дороги, которая вела на аэродром.

Мелкими шажками и скрючившись, как вопросительный знак, в палатку вбежал Марик. Вот у кого пищеварительный цикл сократился до нескольких минут.

– Мужики, всё нормально. Это Барсов слабеньким оказался просто, – успокаивал всех Гусько, поскольку сидящим за столом стало понятно, что следующие в туалет побегут они.

– Савельевич, как же так?! – возмущался Марик, выбегая из палатки с рулоном туалетной бумаги.

– Так, всем без паники. Парень перенервничал перед свиданием.

– Савельевич, хорош отмазываться, – перебил его Гнётов и тоже направился за Мариком.

– Мощный оказался квас! – воскликнул Бажанян и отправился вслед за ними.

Побежали все сидящие за столом. Остались только я и неунывающий Савельевич, который спокойно выпил ещё одну кружку.

– Воду, вроде, кипятил, – почесал затылок Гусько. – Наверное, климат плохой, верно, Серый?

Я лишь посмеялся над всей этой ситуацией и принялся, помогать Савельевичу, убрать со стола.

Утром к табличке на палатке, где было написано про дегустацию напитка, кто-то решил добавить фразу «Средство от диареи брать с собой. Здесь не выдают».

Постановку задач проводил сам Хреков, предварительно уточнив насущные вопросы и проблемы на базе.

– Совсем обалдели эти тыловики! – воскликнул генерал, подойдя к окошку в классе.

Теперь наша подготовка велась в отдельном строении модульной конструкции. Раньше сюда никого не пускали, поскольку тыловое начальство держало здание для показов комиссии. На нём всегда висела цепь, а внутри до сих пор пахло краской и лаком.

– По поводу задачи на завтрашний день, «весёлым», то есть истребителям, предстоит сопровождать Ту-16е и Ту-22 в район задачи. Что у вас, Тигран Араратович не хватает? – спросил Хреков, достав свой большой блокнот.

– Товарищ генерал, проще сказать, чего у нас хватает, – ответил Бажанян, поднимаясь со своего места.

– Давай, я записываю.

– Запасных пневматиков достаточно. Афганцы нам передали свои запасы, – начал рассказывать Араратович про колёса.

– Товарищ подполковник, резиновые изделия меня не интересуют. Что ещё? – спросил Хреков.

– Полосу должны были сделать, – спокойно сказал Бажанян.

– Тигран Араратович, вы сейчас серьёзно? Я видел, что у вас полосу восстановили. Вон, Ан-12 сел! – указал на прорудивший мимо окна транспортный самолёт генерал.

В голове я уже сообразил, что нужно быстро что-то накарябать для Оли. Потом успеть экипаж перехватить и передать письмо.

– Что ещё... ну, у нас появился свет от генератора, – продолжил рассказывать очевидные вещи Бажанян.

– Обалдели, подполковник?! – воскликнул генерал, закрывая блокнот. – Я вас о готовности к выполнению задачи спрашиваю.

– Товарищ генерал, как будто вы не знаете, что у нас полная жопа! – громко сказал Араратович.

Генерал слегка опешил от такой искренности подполковника. В кабинете никто не смел издать и звука, пока Хреков не отреагирует на такую фразу.

– Совсем всё плохо? – переспросил генерал.

– Андрей Константинович, мамой клянусь, что у нас топлива на неделю плотной работы. Боеприпасы в дефиците. Ещё и качество пищи отвратительное. Можно же сделать так, чтобы насекомых в ней не было! – высказался Араратович.

– Я тебя услышал, – сказал Хреков и махнул Бажаняну, чтобы тот сел на место. – Продолжай рассказывать о вашей задаче.

Ничего сложного в завтрашних полётах нет. Первыми по замыслу командования взлетают три пары дальних бомбардировщиков с аэродромов Карши-Ханабад и Зары. Сначала их прикрывают истребители с Союза, а мы их подхватываем в районе Герата.

– Участок выступа в районе Чахардель и Шаршари самый опасный. Эти неповоротливые бомбёры однозначно зацепят границу, – сказал Хреков, показывая на карте «ленточку» между Ираном и Афганистаном. – Будьте готовы встретиться с соседями. У нас Родин с ними уже познакомился, верно?

– Так точно, – встал я со своего места.

Тут же дверь в кабинет открылась, и на пороге появился полковник Хватов, собственной персоны. Вид у него был слишком довольный.

– Андрей Константинович, а я вас везде ищу. Какими к нам судьбами? – спросил полковник, поправляя свою папку подмышкой.

– У меня постановка задач идёт. Срочное что-то? – спросил Хреков с недовольным лицом.

– Собственно нет. Я за распоряжением по тыловому обеспечению на завтрашние вылеты, – сказал тыловик. – А вот, кстати, и предмет моего разговора, – указал рукой на меня Хватов.

– Что с Родиным? – спросил генерал.

– Этот лейтенант слишком вызывающе себя ведёт, Андрей Константинович, – ответил тыловик и рассказал о нашем разговоре на магистральной рулёжке.

Хреков внимательно на меня смотрел, сверля своим взглядом. Особенно генерал стал вскипать, когда тыловик стал приукрашивать мои действия.

– Рукоприкладство, агрессия... и это, по-вашему, лётчик? – театрально спросил Хватов, ухмыляясь в мою сторону.

– Вы, товарищ полковник, слишком всё преувеличили, – ответил я ему.

– Родин, хорош, – толкнул меня в ногу Барсов.

– Из-за вас пострадали двое солдат. Один из них лишился пальцев на руке, – продолжил я.

– Серый, угомонись, – еле слышно сказал Бажанян, но я уже не мог остановиться.

– За ваши действия, по обеспечению базы всем необходимым, вас следует судить, – сказал я, но тыловик продолжал ухмыляться. – Вы вор, а не офицер, товарищ полковник!

– Лейтенант Родин! – громогласно произнёс генерал, и только теперь я замолчал. – Прекратить! Общая команда – смирно!

Весь класс встал в ожидании речи генерала, и она мне ничего хорошего не сулила.

Глава 3

Хреков был весьма недоволен моими высказываниями. Может, я и не прав, что начал перепалку с полковником, но терпеть произвол и молчать уже надоело.

– Лейтенант Родин, за пререкания со старшим по званию объявляю вам выговор! – громогласно произнёс генерал.

– Есть выговор! – ответил я, выпрямляясь по струнке.

– И запомните, чтобы не происходило, я никому не позволю разговаривать на повышенных тонах со старшим по званию, – сказал генерал, оглядывая грозным взором собравшихся. – Садись!

Конечно, проще всего сейчас было заткнуть меня и ничего не делать. Я уже подумал, что наш Хреков изменился за последнее время в лучшую сторону. Ошибся, похоже.

Пока все присаживались, полковник гордо выпячивал грудь, радуясь за такое разрешение конфликта.

– А теперь, товарищ полковник, покиньте класс. Здесь идёт постановка задачи лётному составу, – сказал генерал, толкнув большой конверт, чтобы тот проскользнул по столу к Хватову.

– Само собой. Спасибо, что передали, – сказал полковник, весело ухмыльнувшись.

– У вас хорошие часы, – указал на левую руку Хватова генерал. – Японские?

– Подтверждаю, товарищ генерал. Разрешите идти? – спросил полковник и Хреков кивнул, присаживаясь на своё место.

Хватов неторопливо пошёл к двери, но генерал его остановил, громко прокашлявшись.

– Что-то случилось? – повернулся к нему тыловик.

– Да, товарищ полковник. Я кое-что забыл вам отдать, – сказал Хреков, достал из кобуры пистолет и положил перед собой.

– Это важно? – заинтриговался Хватов.

– Очень, – ответил Хреков, вынимая магазин из своего Стечкина.

Генерал последнее время прилетает на вертолёте, пилотируя его самостоятельно. Оттого он всегда экипирован для боевого вылета.

– Не понимаю, – занервничал Хватов, наблюдая, как генерал медленно разрядил один патрон из магазина.

– А стоит, товарищ полковник, – сказал Хреков, взял патрон и бросил его тыловику.

Хватов, выронив папку и фуражку, поймал патрон двумя руками.

– Советую вам поторопиться с налаживанием поставок, – произнёс Хреков и отпустил тыловика. – Продолжим постановку.

Хватов быстро ретировался из класса, ничего в ответ не сказав. Интересный способ воздействия у генерала!

Мог бы полковник понять намёк Андрея Константиновича и заняться выполнением поставленных задач, так нет же пошёл жаловаться Полякову. Однако, никаких санкций к Хрекову не было. Генерал также сел в вертолёт и улетел в направлении Кабула. Вечером Бажанян рассказал, что особист, выслушав все жалобы от тыловика, предъявил тому столько эпизодов недостачи и халатности, что Хватов собирался слечь в госпиталь на время, пока всё не утихомирится.

– Одно мне непонятно. Почему тянул особист с этими эпизодами? – задумался Гнетов, когда мы потребляли квас Савельевича.

Сегодня, на удивление, никто не бегал в туалет. Видимо, наши желудки начали привыкать к этому напитку.

– Есть прекрасная фраза, Григорий Максимович – всему своё время, – сказал я.

– Тут ты прав, – кивнул Гнетов.

Рядом с нашей палаткой остановился микроавтобус РАФ. Кажется, сам Хватов решил почтить нас своим присутствием.

– Так, авиация, продуктов подвезли. Вот решил вам подгон сделать, – подошёл к нам полковник с большой картонной коробкой.

В ней были консервы, сахар, макароны. Даже парочка бутылок водки. К чему бы такая щедрость?

– Товарищ полковник, правда, не стоило, – сказал Бажанян ради приличия.

Коробку наш зам командира тянул на себя так, что чуть руки не оторвал нашему гостю.

– А что пьёте, братцы? – поинтересовался Хватов, заглядывая ко мне в кружку.

– Квас, – ответил я. – Вам налить?

У всех глаза на лоб полезли. Выпьет сейчас полковник и понесёт его сразу в туалет. Не привык же ещё к такому экологически чистому продукту.

– Давай, – махнул он рукой. – Я, вообще, брезгливый к такого рода отварам, но ваш напиток попробую.

Ох, и зря он это сказал! В глазах Гусько тут же заиграли огоньки. Наш замполит, похоже, проработал план мести тыловику.

– Ну как, товарищ полковник? – спросил Савельевич, когда тыловик выпил залпом кружку кваса.

– Очень хороший! Надо девок заставить в столовой такой приготовить, – довольно улыбнулся Хватов.

– Вот-вот, а то мухи задрали уже, – сказал Гусько и картинно стал махать рукой над открытым термосом с квасом.

– Как... мухи? – спросил полковник, подавляя в себе отрыжку.

– Ну а как же? Квасок удался, вот паразиты и слетаются, – расстроено вздохнул Гусько. – Мы уже привыкли к этому.

Всем было уже тяжело сдерживаться, чтобы не заржать. А мне даже становилось жаль полковника. Всё же, с миром пришёл.

– Прив... ик... привыкли? – снова удивился Хватов и уже с трудом удерживал себя от рвотных позывов.

– Мухи – это ещё не так страшно! Вчера полкружки опарышей с бака снял, а сегодня мышь еле спас, чтобы она не нырнула внутрь, – продолжил говорить Гусько, и тут не выдержал такого давления Хватов.

Стоит ли сказать, что в машину он не шёл, а бежал. Вроде успел до момента, когда ему стало совсем плохо.

Наутро я смог передать письмо через штурмана Ан-12, экипаж которого решил заночевать в Шинданде. Оказалось, что это был тот самый экипаж, который я прикрывал во время налёта на Джавару. Штурман меня чуть не расцеловал около самолёта. Я его понимаю, сам запомнил тот день, когда мой МиГ был сбит ракетой, и пришлось катапультироваться. До сих пор боли в спине напоминают.

Поговорить у нас не получилось, поскольку мне уже надо было идти к самолёту. Вылет на сопровождение у нас был строго по времени.

– Сергей, всё сделаем! Если надо, то и привезти сможем твою Олю с Осмона, – сказал мне командир экипажа.

– Везти, думаю, не нужно. Пообщаться нам надо просто, а военной корреспонденцией письмо будет долго идти, – ответил я, потихоньку надевая на себя подшлемник и шлемофон.

– Мы завтра вернёмся. Ответ можем тебе передать, – сказал штурман.

– Если можно, цветы купите Ольге. По возможности, – сказал я, ощупывая себя по карманам. – Блин, деньги оставил в укромном месте.

– Так, лейтенант, мы всё сделаем. Должны по гроб жизни за твой поступок, – похлопал меня по плечу командир экипажа.

Пожелав доброго пути друг другу, мы разошлись по своим самолётам. Свой борт я осматривал сегодня более тщательно. Хотя, Дубок и готовил мой МиГ-21 к вылету, но проверить лишний раз не мешало.

– Елисеевич, как твоё здоровье? – спросил я у него, принимая конфету наудачу.

– Да нормально. Царапины! – отмахнулся он, поправляя мне подвесную систему, когда я занял место в кабине. – Аккуратнее. Говорят, сегодня работы будет много?

– Посмотрим, – улыбнулся я и стукнулся с Дубком кулаками.

В соседнем самолёте сидел Мендель, который сегодня был моим ведущим.

– Готов, 216? – тихо спросил Паша на стартовом канале.

– Так точно.

– Янтарь, 215й парой с 216м готов к запуску, – запросил разрешение у руководителя полётами Паша.

– Запускайтесь. Время взлёта – 15 минута текущего часа.

– Понял. Запускаемся 216й.

Машина послушно начала включаться в работу. Стрелки приборов закрутились, табло замигали. Через несколько минут, проверив механизацию и режимы работы двигателя, я был готов вырुлить.

Первыми пошли выруливать Су-25е. Их задача была обозначить основные цели для работы и подтвердить наличие духов в горном районе Кокари-Шаршари. Нам же предстояло прикрывать самолёты дальней авиации, которые будут работать по другим целям на западном направлении.

Вслед за «грачами», как принято называть Су-25е, начали выруливать и мы. У коллег-штурмовиков боевая зарядка мощнее наших ракет малой дальности.

– 311й, парой готов к взлёту, – запросил ведущий «грачей».

– Ждать! – громко крикнул в эфир руководитель.

Что-то опять пошло не так у командования. Сейчас будут перестановки.

– 215й, Янтарь, – запросил Менделя руководитель полётами, когда мы стояли перед полосой в ожидании взлёта штурмовиков. – Вам смена задачи. Работаете «крышей» для пары 311го. Как приняли?

Паша не отвечал сразу, поскольку переваривал абсурдность команды. Чтобы прикрывать штурмовики, нам нужно вооружение для работы по земле, а у нас только ракеты «воздух-воздух».

– Янтарь, у нас только ракеты, – подсказал Паша, намекая, на номенклатуру вооружения у нас на точках подвески.

Действительно, мы сейчас несём только ракеты Р-60 и Р-13. Не по дувалам же ими стрелять.

– 215й, взлёт рассчитывайте после пары 311го. Зона дежурства 101, – дал нам указание руководитель полётами.

Командование «настаивало» на выполнении этой задачи. А номер зоны означал, что мы будем кружиться всего в 10 километрах от границы с Ираном.

Через минуту мы уже набирали указанную высоту 3000 метров для дежурства и шли с курсом в район населённого пункта Ислам-Кале.

– 216й, скорость 500, под собой наблюдаешь? – запросил меня Валера, обращая моё внимание на идущих ниже штурмовиков.

– Наблюдаю, – ответил я, выдерживая своё место в паре.

Ещё через 10 минут штурмовики вышли на линию боевого пути. Пошёл стандартный радиообмен перед нанесением удара по наземной цели.

В такой ситуации просто кружишься в зоне, осматривая пространство. Самое плохое, что и поговорить нельзя. Забьём эфир. Вспоминаю те полёты, когда я летал на «спарке». Можно было, и полюбоваться красотами этого дикого края гор и пустынь.

В эфире слышу, как выполняют Су-25е первый заход на цель. Потом второй и третий. Следом прозвучал доклад об успешном выполнении задачи.

– 215й 311му, мы закончили. Не заскучали? – спросил у Паши ведущий «грачей».

– Мы же «весёлые». Нам всегда не скучно, – слегка раздосадовано ответил Мендель.

Мы продолжали барражировать, пока на нас не вышел командный пункт.

– 215й, курс 260, цель одиночная в 15 километрах от вас, – дал нам команду ОБУшник.

– 215й, понял, – ответил ему Паша. – Левым разворотом... паашли!

Аккуратно заложили крен 45° и заняли нужный курс. Цель должны были увидеть сразу, поскольку 15 километров не так уж далеко.

– Янтарь-подход, 215й цель не наблюдаю.

– 215й, цель по курсу, дальность 12, – продолжал информировать офицер боевого управления.

– Янтарь, 215й, не наблюдаю. Высоту цели подскажите, – запросил Паша.

– Высоту определить не могу, 215й. – ответил ОБУшник.

Кручу головой во все стороны. Смотрю вниз, но ничего. Никаких целей.

– Цель по курсу, дальность 8.

И в этот момент раздался писк в наушниках. Всё, что я помню, как резко отклонил ручку управления самолётом вправо, заложив крен не меньше 90°.

Только что нас взяли в захват и пустили ракету. Раз я ещё летел, значит, промахнулись по мне.

– Расходимся! Расходимся! – кричал в эфир Паша. – У меня двое сзади.

– Вниз уходи, – подсказал я, а сам резко поменял направление и пошёл в набор высоты.

Включил форсаж и начал выполнять «горку». Поменяв высоту, я продолжил разворот. Сирена, дававшая мне знать, что на меня наводятся ракеты, продолжает периодически включаться.

– Двое! Двое! – продолжал громко говорить Паша.

А я до сих пор не видел Менделя и от кого он уходил. Да и мне было не до этого.

– Снова меня облучают, – сказал я, глянув по сторонам.

В нескольких километрах от меня заходили со спины два Ф-14. Итого, против нас теперь четверо.

– У меня тоже двое! – громко сказал я и выполнил пикирование с каким-то нереальным углом.

Горный хребет приблизился моментально. Дышать стало тяжело, а самого меня сильно вдавило в кресло. Ф-14 идёт по пятам и снова пускает ракету. Манёвр вправо, меняю курс больше чем на 90° и отстреливаю ловушки. Считаю мысленно до пяти, зная примерное время поражения ракетой. Если до сих пор лечу, значит, всё нормально.

– Не могу сбросить! Не могу! – повторял Паша, но я в этот момент был занят другим.

Убежать от «Томкэтов» не получится. Придётся маневрировать на предельно-малой высоте, чтобы они лишились преимущества в своих средствах наведения.

– Я в северном ущелье, – сказал я, уходя от столкновения с крутым выступом.

На разворотах поглядывал в зеркало, чтобы увидеть своих противников. Сзади меня показался первый Ф-14.

Поворот один, второй, небольшая «горка», чтобы перелететь через перевал и снова продолжая прижиматься к земле. Ущелье широкое, поэтому есть запас для разворота.

Скорость большая, но я вижу, что «Томкэт» всё ближе. А где-то и второй спрятался.

Снова «завопила» сирена, и впереди над хребтом я увидел пикирующий истребитель противника. Ручку управления взял на себя, педалями создал скольжение и резво ушёл вправо, перескочив скалистый перевал. Начал отстрел ловушек.

Самолёт тряхнуло, но управление сохранилось. Включил форсаж и снова набор высоты.

– Не могу сбросить! Зажали! Янтарь, 215й атакован группой из двух истребителей! – слышу я нервный и прерывистый голос Менделя.

Командный пункт ответил что-то невнятное из разряда «ожидайте» или «повторите». Как будто на локаторе не видят, какую карусель мы тут выписываем!

– Уходим в сторону базы! – сказал Паша, но это не так просто.

Куда бы я ни развернулся, меня со всех сторон облучают. В «каменный мешок» уже не запрыгнуть. Попробовал спикировать на предельно-малую высоту и лететь над долиной, но тут же чуть не сошёлся с Менделем лоб в лоб.

– Не отстают, – сказал я в эфир.

– Янтарь, 215й нас зажали, где подмога?! – не выдерживал столь нервного напряжения Паша.

Десять секунд, в течение которых сирена об облучении звучала в моих ушах, показались вечностью. В любой момент пуск, а ловушек уже нет. И не факт, что получится сманеврировать.

Наконец, я смог вырваться из захвата. Начинаю уставать от такого напряжения. Не знаю, как там иранцы, но руки у меня заливаются свинцом. Комбинезон пропитан потом насквозь, а вдох-выдох всё чаще и чаще.

– Не могу, Серый! По мне пуск, – кричит Паша и в эфире тишина.

Совсем стало тихо. Я вывел самолёт из правого виража и не обнаружил за собой ни одного Ф-14. Тогда где же Мендель?

– 215й 216му, – запросил я Пашу, набирая высоту.

Ещё раз осмотрелся по сторонам, но никого нет. «Томкэты» пропали, будто их не было. Не приснился же мне бой с ними?

– Ответил, 216й, – спокойно сказал Паша. – У меня 5000, следуя в сторону Янтара.

– Понял. Отступил противник? – спросил я, продолжая осматривать воздушное пространство.

– Отступил, отступил. Наблюдаю тебя. Обхожу справа, – ответил Паша.

Я взглянул назад и увидел, как медленно показался конус воздухозаборника его самолёта.

– Вижу. Куда подевались «Томкэты»?

– Увидели наших страшных товарищей, – спокойно сказал Паша.

Я посмотрел на Менделя, когда мы поравнялись с ним. Мой ведущий что-то показывал мне, тыкая рукой вверх. Солнце, которое освещало кабину, медленно стало скрываться. Приборы накрыл силуэт, бросая тень на панель. Подняв голову, я увидел над собой фюзеляж самолёта.

Не нужно долго рассматривать его, чтобы оценить всю красоту этого воздушного судна. У меня в душе стало очень тепло и трепетно от увиденного прекрасного «создания».

Низкорасположенное крыло, а хвостовое оперение состоит из двух отдельных килей. Два двигателя и множество элементов механизации на крыле. Видя подобный силуэт, невозможно не влюбиться в этот самолёт с первого взгляда. В общем, МиГ-29 в своём неповторимом блеске.

– 216й, вам большой привет. Услышали, что вам нужна помощь, – спокойно сказал лётчик одного из истребителей, что теперь шли рядом с нами.

– Спасибо мужики, – сказал я и пристроился ближе к самолёту своего ведущего. – Слева на месте, 215й.

– Понял. Янтарь, 215й, к вам с посадкой парой. С нами сопровождающие, 901 и 902.

– 215й, понял. 901й, вам команда выполнять посадку на Тагиле, – передал нашим сопровождающим команду офицер боевого управления, назвав позывной аэродрома Зары.

– Понял, Янтарь. 215й, вашей паре до встречи! – попрощался с нами лётчик и отвернул влево, присматриваясь к своему ведомому.

Кажется, скоро в Афган придут и эти ребята для обкатки. Сразу возникла дурацкая мысль, что можно будет попроситься посидеть в кабине. Надеюсь, что когда-нибудь смогу на МиГ-29 полетать.

После посадки сразу же отправились на командный пункт, где всё доложили Бажаняну. Тот моментально всё передавал Хрекову, который находился уже в Кабуле в этот момент.

– Да, товарищ генерал. Именно. Четыре штуки. Самолёты целые, – разговаривал по телефону Араратович, пока, по нашим словам, солдат набирал боевое донесение. – Понял, работаем, – сказал Бажанян и положил трубку.

– Много чего сказал? – спросил Паша.

– Скорее прокричал. У вас вылет через час. Готовьтесь, – сказал Тигран Араратович и отправил нас к штурману для уяснения задачи.

Так вот, мы весь день и работали. Дальние бомбардировщики так и не появились, поэтому мы прикрывали Су-25. «Грачи», в свою очередь, бомбили в течение всего светлого времени опорные пункты, караваны, скопление духов в Шаршари и Луркохе. Всё, что можно было ещё достать со склада вооружения, подвешивалось и сбрасывалось на духов. К концу дня над горными хребтами образовались облака из пыли и огня, настолько много сегодня сбросили бомб и разовых бомбовых кассет РБК.

Вечером, когда я выполнил уже пятый вылет за сегодняшний день, обнаружил экипаж Ан-12го вернувшимся в Шинданд. Точнее сказать, меня нашли на стоянке после вылета и передали письмо.

– Молодцы! Так, быстро вернулись. Могли бы в субботу задержаться в Осмоне. Там на выходных приятнее, – сказал я, раскрывая листок со знакомым почерком. – Не совсем понимаю, что случилось? – спросил я, обнаружив, что держу в руках то самое письмо, что отправлял через экипаж Оле.

– Серый, мы не передавали, – сказал штурман, отдав мне небольшой букет хризантем.

– Однако, цветы купили, – заметил я, приняв их. – Что-то случилось?

Штурман молчал. Было видно, что он не очень хочет рассказывать.

– В общем, она замуж вышла сегодня.

Глава 4

Не знаю, что меня сильнее сегодня поразило – появление МиГ-29 над моей головой или новости от штурмана экипажа Ан-12. Слова про свадьбу, эхом продолжали отдаваться у меня в ушах.

– Сергей, ты только не...

– Расстраивайся? – перебил я штурмана, пытавшегося меня приободрить. – Да, всё нормально. А вы о свадьбе-то как узнали?

– Как мы обещали тебе, цветы купили и пошли в часть передать весточку. Нам сказали, что она в отпуске. Поинтересовались у врача, где она живёт. На что нам был задан вопрос: «– А зачем вам?».

– Так, я надеюсь, вы объяснили?

– Естественно тебя не выдали. Сказали, что в благодарность за оказанную медицинскую помощь от лётного состава транспортного полка, хотим передать презент. Но нам, таким красивым, подтянутым, да ещё с цветами, посоветовали к ней не соваться. У неё свадьба сегодня, а жених из ВДВ больно ревнивый и во всех смыслах на голову контуженый.

– А вы чего?

– Ну, мы решили не рисковать. Там же свадьба. Где один десантник женится, там их целый взвод бухает.

– А вам ещё обратно лететь, ВЛК проходить... Теперь понятно, почему письмо не дошло до адресата.

– Мы подумали, что будет не к месту. Серёга, представь, что ты избавился от 45и килограммов лишнего веса. Я вот три раза так делал и до сих пор стройный, каждый развод приносил облегчение. Будто крылья выросли, даря непреодолимое чувство свободы. Тебе ещё повезло, что сразу избавился от головной боли и бумажной волокиты, – сказал парень, и мы с ним попрощались.

Я и шёл со стоянки в класс на разбор. Потный, уставший и с букетом. Всё как у лошади на свадьбе – в цветах и мыле.

Взгляды техников в мою сторону не особо волновали. Кто-то пытался пошутить по поводу хризантем, мол, теперь так награждают за сбитый.

– Сергеич! – окликнул меня Дубок, шедший ко мне быстрым шагом.

– Слушаю, Елисеич.

– Ты мне про полёт не всё рассказал. Всё у тебя работало? – спросил Дубок.

– Ничего экстраординарного не заметил. А что?

– Вот ты не увидел ничего «экстра», а я обнаружил, – сказал мой техник и протянул пулю. – Дарю.

Я не мог придать значение этому трофею, поскольку до сих пор не получалось сосредоточиться. Новость про Олю заставила слегка тормозить. При ближайшем рассмотрении я сразу определил, отчего пуля.

– Ну, это ДШК. Калибр 12.7, марку пули точно назвать не могу. К чему этот подарок?

– Это с твоего самолёта. Застряла в подголовнике катапультного кресла, – серьёзно сказал техник, будто он стал свидетелем чего-то фантастического.

– Повезло мне. Спасибо за подгон. Буду теперь её хранить...

– Сергей, это знак. Для тебя уже второй, – сказал Дубок, подойдя ближе. – Катапультирование – это раз. Пуля – это два. Как я слышал, ты в училище самолёт в поле посадил...

– Ой, Елисеевич! – отмахнулся я. – Сегодня вообще не тот день, чтобы ещё мне о предзнаменованиях каких-то рассказывать. Предлагаешь не летать?

На этот вопрос Дубок отвечать не стал.

– Ты бы ещё перекрещивал меня перед каждым вылетом, как Макарыч в известной картине, – сказал я, укладывая в карман пулю. – Не переживай, я заговорённый.

– Дай Бог... – тихо сказал Дубок, и тут же замолчал.

Не сильно в эти годы приветствовалось в армии быть верующим. В основном все были атеистами.

– Ладно, пойду. Если хочешь, можешь крестить меня, – улыбнулся я.

– Сергеич, я тут хочу над фюзеляжем покумекать, – сказал Дубок, показывая мне трафарет со звёздами. – Не против, если оформлю?

– Не возражаю, Елисеевич, – ответил я и направился на разбор.

У входа на КДП встретил Марика, которому было интересно, где я достал такой букет. Тут же у него возникло много вопросов.

– Кому? А как достал? – спрашивал он, не давая мне возможности ответить.

– Никому. Где достал, там уже нет. Ты чего пристал? – поинтересовался я, замахнувшись на него цветами.

– Эй, нет! Ты если использовать букет не будешь, то мне продай. С ними же реальный вариант... расслабить партнёршу, – ехидно улыбнулся Ален Делон местного разлива.

– Так забирай. Мне негодились, – отдал я ему цветы, собираясь уже идти в класс. – А ты на разбор чего не идёшь?

– Я отпросился. Зубная боль у меня острая, – отмахнулся Марик.

– Её не Ефросиньей зовут, зубную боль твою? – спросил я.

– Я всегда двигаюсь вперёд, Родин. Не оглядываюсь назад и ищу новых для себя ощущений. Тебе самому не надоела Вещевая?

– Всё уже. Замуж вышла Ольга, – сказал я.

– Блин, Серый, поздравляю! – кинулся ко мне обниматься Марк. – Совет да любовь! Любите друг друга, как я... а я никого не люблю, кроме Родины и мамы.

– Да погоди ты поздравлять, – пытался я его оттолкнуть, но Барсов никак не отставал.

– Неа, слушай дальше. Я специально готовил эту речь, – отошёл он на шаг назад и гордо начал поздравлять, словно поэму рассказывал со сцены. – Чтоб меньше было разбросанных носков и пересолённых борщей. Чтоб пилила в доме только пила, а горькими были только попки от огурцов. Чтоб...

– Ты закроешься или нет? – перебил я его. – Замуж вышла не за меня Вещевая.

– Тогда вдвойне поздравляю, Серёга! Баба с возу, коню легче! И вообще, мы так молоды ещё, нам гулять и гулять! – одну руку он положил мне плечо, а вторую устремил в звёздное небо. Это ж какие перспективы открываются!

Марика ничего уже не изменит. Я сбросил его руки и пошёл в класс не обращая внимание на звучащие в мою спину поздравления о сохранении меня в Красной книге холостяков.

И почему мне сейчас как-то не по себе. Есть ощущение, что меня кинули. Да и как такое может быть?! Тут времени прошло не так много, а Оля уже и замуж выскочила. Сколько с ней непонятки возникает!

Получается, что со мной Вещевая была ради «здоровья». Потрясающий доктор!

– Ты чего такой, Серж? – спросил у меня Бажанян.

– Думаю.

– Ну, ты давай быстрее думай. У нас разбор идёт, – спокойно сказал Араратович, и тут же вернул меня в реальность.

Я совершенно не заметил, как вошёл в класс, где уже собрался весь лётный состав. У доски стоит Бажанян, а за его спиной Гнетов с указкой. И гробовая тишина.

– Я... опоздал?

– Как бы да, Сергей Сергеевич. Ещё и зашёл без спроса, – сказал Гнетов.

Мои однопольчане, ели я им расскажу причину заклинивания у меня аварийного тормоза, поймут. А вот перед штурмовиками я сейчас выгляжу полным идиотом.

– Ладно, – махнул рукой Бажанян, разрешая мне занять своё место рядом с Пашей. – Давайте, Григорий Максимович по сегодняшнему дню.

– Особенностью сегодня явилось то, что мы работали по вновь выявленным целям в районе горного массива Луркох, – продолжил говорить Гнётов.

– А какова ситуация в районе Шаршари? – спросил командир эскадрильи штурмовиков.

– Судя по фотопланшетам, в районе Шаршари ничего нет. Воздушная разведка никаких сведений нам не дала, – ответил ему Гнётов.

– Ну а все наши удары пришлось на второстепенные объекты в, ничем не примечательном, Луркохе, – высказался недовольным голосом командир штурмовиков.

– И как показали результаты, вновь выявленные объекты не были полностью поражены, – подытожил Гнётов.

Тут же среди штурмовиков поднялся шум. Понять ребят можно. Максимович сейчас обвинил их в некомпетентности и непрофессионализме. Мол, бомбили не туда.

– Вы, товарищ Гнётов, сами-то, чем сегодня занимались? Прикрывали? А спустились бы и поработали, – встал со своего места командир эскадрильи штурмовиков.

– Арсений Павлович, поработаем. Дали бы чем, зашли бы на цели и поразили. Так, вам же доверили. А наши: – Мендель и Родин, и вовсе попали под перехват иранцев, – успокаивал рыжего подполковника Бажанян.

Стоит сказать, что с Арсением Павловичем Афанасьевым сталкивался я только на паре совещаний у Хрекова. Невысокого роста, коренастый, с непропорционально большими ладонями. Одной такой лапой он бы мог баскетбольный мяч спокойно держать, словно это теннисный шарик.

– То, что прикрыли, большое спасибо. Насколько было тяжело? – спросил Афанасьев. – Капитан, выйди, расскажи, – предложил он Менделю поведать о сегодняшнем бое, и Паша рассказал, как он уходил от атак Ф-14.

– Затем ещё и МиГи появились новые, – сказал Мендель и по классу прокатился гул удивления.

Но наша минута славы закончилась, и весь личный состав вернулся к спорам. Дело дошло до того, что штурмовикам оказалось не по нраву, почему командует именно наш полк. Они здесь уже базировались до нас и прекрасно справлялись с нанесением ударов. А тут прибыли brave ребята, которых сам генерал армии Ахромеев сюда определил. Все лётчики-орденоносцы, некоторые повысили класс за время командировки и теперь учат их, как нужно работать по земле. Видимо, не сильно их поощряло командование за боевые вылеты.

А ведь работа у штурмовой авиации весьма опасная. По крепости духа и яиц, круче них только вертолётчики.

– Я ещё раз, вам повторяю, товарищ капитан... – продолжал доказывать свою правоту Афанасьев.

– Опыта у нас хватает, чтобы мы могли вам подсказать, как правильно нужно работать по земле, – не унимался Гнётов.

Бажанян сразу вклинился в эту разборку, призывая всех к порядку. Среди обычных лётчиков тоже начались трения. Опустились уже до внутреннего порядка в жилом палаточном городке.

– Вечно приходите со своего дежурства, и давай намываться, – выкрикнул кто-то из штурмовиков.

– Там бак здоровенный. Чего тебе не хватает? – пытался уточнить суть претензий Паша Мендель.

– Вот ваши все так думают. А приходишь вечером, а воды уже нет, – продолжал возмущаться лётчик «грачей».

Через несколько секунд Араратович не выдержал и громогласно дал всем команду закрыть рты. Точного перевода его гневной фразы на армянском никто не знал, но догадаться о содержании было несложно.

– Завтра нашему полку... – начал говорить Араратович.

– Только вашему? – перебил его Афанасьев.

Вот же какой злочий попался! И не успокаивается. Всё задеть пытается. Не успел я додумать и наградить Афанасьева каким-нибудь нелестным эпитетом, в класс вошёл особый гость в звании полковника.

– Команду не подавайте. Я не надолго, – сказал он, медленно выходя на середину класса.

Полковник имел болезненный вид. Как будто его раньше времени выписали из инфекции и сразу на работу заставили выйти. Лицо, кстати, очень знакомое.

– Хотел бы с вами познакомиться. Всегда с уважением относился к авиации, – сказал полковник, поправляя солнцезащитные очки на воротнике. – Полковник Громов Борис Всеволодович, командир 4й мотострелковой дивизии.

Возможно, я единственный из сидящих сейчас смотрел на этого человека восторженными глазами. Передо мной был если не образец грамотного и достойнейшего генерала, то точно один тех, с кого стоит брать пример по службе.

Борис Громов, в будущем генерал-полковник. Через три года ему будет поручено занять должность генерала по особым поручениям. Эту должность возродят, поскольку Генеральный штаб будет нуждаться в объективной оценке обстановки в Афганистане.

Позже он получит назначение на должность командующего 40й армией. Именно ему поручат организовать и провести вывод советских войск из Афганистана. В 1988 году он будет удостоен звания Герой Советского Союза.

Как и многие видные генералы Советской Армии он уйдёт в политику. Займёт пост Губернатора Московской области. Один из немногих, кто за особо выдающиеся заслуги, связанные с укреплением российской государственности, станет полным Кавалером Ордена «За заслуги перед отечеством».

– Чего спорили то? – усмехнувшись, спросил Громов.

– Борис Всеволодович, дискутируем. Громко, но по делу, – ответил Бажанян.

– Ну да. Я так и подумал, – сказал Громов и подошёл к карте. – В общем, командование поставлена задача взять проклятый Луркох. Как видите, этот горный хребет находится на пересечении дорог на Кандагар и Герат.

– Много нападений на колонны? – спросил Афанасьев.

– Неприлично много, ребята. Меня не так гепатит достал, как этот Луркох. Ваша задача уничтожить там всё, что только можно. Авианаводчики будут с вами завтра работать, а генерал Хреков руководить с борта Ан-26. Вопросы?

Никто ничего не спросил.

– Это хорошо. Начальника разведки пришлю завтра. Поделится с вами сведениями. Не ругайтесь тут только, – сказал полковник и тихо вышел из кабинета.

Вот такой он – лаконичный и спокойный будущий генерал Громов.

– Итак, как вы уже слышали от Бориса Всеволодовича, завтра и нашему, и вашему, Арсений Павлович. Хотя вы и отдельная эскадрилья, но в данный момент находитесь в оперативном подчинении командира нашего полка. Он же является старшим авиационным начальником на базе Шинданд, – сказал Бажанян и после этого подполковник решил успокоиться. – Давайте уже по задачам на завтра определимся и пойдём спать, – устало произнёс Буянов, похлопав Афанасьева по плечу.

Командир штурмовиков поднял руки, дав понять, что он не против.

– Итак, горный массив Луркох, – показал на карте Гнётков. – Площадь 256 квадратных километров. Имеются вершины до 3000 метров. Ущелья для маневрирования очень сложные.

– Товарищ капитан, вынужден не согласиться, – снова подал голос Арсений Павлович.

Никак он не уgomонится! Везде ему надо сумничать. Теперь он решил поднять тему для дискуссии о манёвренных характеристиках Су-25го. Даже вышел к доске и принялся рисовать уравнение движения и схему сил для этого самолёта во время выполнения виража. Пошли формулы, расчёты и примеры. А всё для того, чтобы назвать несколько цифр.

– Из этой схемы видно, насколько наши штурмовики хорошо могут маневрировать в узком пространстве. А живучесть, сами знаете, у нас хорошая, – развёл Афанасьев руки в стороны и положил мел.

Я обернулся назад и обнаружил большую часть класса спящими. Настолько им было «интересно» слушать своего командира, что решили лётчики-штурмовики начать отдыхать уже здесь.

– Палыч, давай уже кончай мериться половыми органами и пойдём спать. Завтра обговорим налёт, – предложил Буянов и был услышан. Класс опустел, практически, мгновенно.

После долгих водных процедур в ледяной воде, наша палатка собралась на вечернее чаепитие. Гусько своих отваров не предлагал.

– Савельевич, как ты мог нас без кваса оставить? – спросил у него Бажанян, доставая большую коробку с печеньями.

– Да с таким презентом от нашего нового друга можно и без собственных продуктов жить, – улыбнулся замполит, заливая кипятком в заварник в синий горошек.

– Это ты на Хватова намекаешь? Он сегодня меня на совещании просто доконал! – воскликнул Буянов. – Смотри, чего дал нам.

На стол Иван Гаврилович положил большую коробку с печеньями под названием «Альберт», написанном на английском языке.

– Югославское? – поинтересовался Гнётков. – Я пару раз только ел подобное в жизни. Вкус интересный. Воздушный такой.

– Тебе вкус интересный, Максимыч, а я теперь голову ломаю, – возмущался Буянов. – Просто так ничего эти ребята не делают. Может, мстит нам за вчерашний вечер?

– Неа. Говорит, что есть у него к нам дело, но его он хочет с Томиным обсудить. Пускай подкармливает. Нам хорошо, а он не жалуется, – махнул рукой Савельевич.

Про себя я подумал, что дело, возможно, будет не совсем законное. Но насчет Томина он явно ошибся – не тот человек. Тем более, что у него тоже до сих пор перед глазами каша с мухами.

В разгар чаепития появился любимец публики Марк Барсов. Вид у него был не самый весёлый. К тому же, голова была в лепестках цветов.

– Ты где был, цветочник? – спросил у него Буянов.

– Товарищ командир, ночью в кусты хризантем врезался, – уверенно заявил Марик.

– Слушай, балбес великовозрастной, – отдернул его комэска. – Ты где тут кусты с такими цветами видел? Кроме верблюжьей колючки и акации ничего нет.

– И то, колючку скоро Савельевич всю переработает на отвары, – улыбнулся Гнётков.

Предупреждал Марика Иван Гаврилович, что шкуру спустит, если тот не перестанет по бабам ходить.

– Ты вот мне скажи, почему ты такой? Чего тебя так и тянет найти приключений на... своё «хозяйство»? – задал уже вопрос Бажанян. – Гаврилыч ведь тебя мерином сделает, если ещё попадёшься.

– Да я его сейчас сделаю таким, чего тянуть?! – воскликнул Буянов, замахнувшись на Марка. – Цветы, где взял, зараза?

– Сергей дал, – кивнул в мою сторону Барсов.

Тут уже все наострили свои уши. В течение пары минут проблема Марка забылась полностью.

– Родин, так кому цветы ты нёс? Тем более, около КДП. Там есть несколько интересных кандидаток, – подмигнул Гусько.

– Моей кандидатки там нет. Замуж она вышла, – сказал я, поднимаясь с места. – Не понадобились мне цветы. Я пойду отдыхать с вашего позволения.

– Таак... Погоди, Сергей, – остановил меня Бажанян. – Пошли, отойдём. Поговорить надо.

Глава 5

Как я понял, Араратович собирается мне рассказать сейчас по Вещевую. Вот только я этого ждал от своих однополчан раньше.

– Как узнал, что она вышла замуж? – спросил у меня Бажанян.

– Случайно, – ответил я и рассказал о своём послании через ребят-транспортников.

Темнит Араратович. Судя по его задумчивому виду, подбирает слова, чтобы не сильно меня обидеть. Как будто, это что-то изменит.

– Раз ты всё узнал, можешь теперь сосредоточиться на вылетах и..., – начал он говорить после моего рассказа, но я решил его прервать.

– Тигран Араратович, зачем вы скрывали и продолжаете скрывать от меня якобы ужасную правду? В чём смысл? – спросил я.

– Расстраивать тебя, Серёга, не хотели, – ответил Бажанян, присаживаясь на скамейку рядом с палаткой. – На самом деле все догадывались, по какой причине уехала с Баграма Ольга Онуфриевна, но точно никто не знал. А тут командир недавно прояснил ситуацию, когда уходил на больничный.

– Вы хотели сказать – слёг в госпиталь? – переспросил я Араратовича, присаживаясь рядом.

– Мамой клянусь, он ещё лечиться не хотел. До последнего сопротивлялся, пока лицо не пожелтело...

– Так что там с Ольгой? – перебил я Бажаняна.

– До твоего распределения к нам в часть, у Оленьки был жених. Красавец, джигит, спортивный такой! Васькой зовут, по прозвищу Катапульта.

Катапульта... уже наводит на мысль, что парень не простой.

– Ну да, мне сказали, что десантник. А где он до этого был? Получается, что она при женихе со мной гуляла?

– Та не..., – почесал затылок Араратович. – Любили они друг друга. Потом война началась, и его в Афган направили с полком. Тут он и пропал и почти год числился пропавшим без вести. Все считали, что жених Ольги погиб.

– Печальная ситуация, – сказал я совершенно искренне.

– Ага. Но жизнь идёт, а Вещевая замкнулась. Девчонка красивая, и одна. Многие у нас в части к ней клинья подбивали, но она была кремьень. До последнего надеялась, что он жив и вернётся. Шли долгие месяцы неизвестности. И тут ты появился напористый, красивый...

– Джигит, спортивный такой и дальше по списку.

– Ну да, да! Всё так! – улыбнулся Бажанян.

– То-то вы спорили насчёт наших с ней отношений.

– Ты это! Если что я на тебя ставил. Ты ж свой! – похлопал меня по плечу Араратович. – Вот, видимо, вернулся Васька, и Оленька сделала свой выбор.

– Мне от того, что она определилась не легче, – сказал я, вставая со скамейки.

– В жизни всякое бывает, Серж. Главное, что человек жив.

Вот тут я согласен с Араратовичем полностью. Парень вернулся живой. Девушка осталась с ним, хотя могла спокойно сказать, что любовь прошла и помидоры завяли. А то, что у неё кто-то был в это время – злые языки в военном городке поговорят и перестанут.

– Я всё понял Тигран Араратович. Вы за меня не переживайте. Мы с Ольгой друг другу ничего не обещали. В любви она мне не клялась, я в принципе тоже. Поэтому у меня к ней претензий нет.

– Ну, хорошо, что тебе было хорошо и ей приятно. Провели время с пользой. Ладно, иди отдыхай.

Ага. Только вот осадочек у меня остался. Ощущение, будто меня использовали как аэродром подскока. Могла же ведь Вещевая сразу внести в наши отношения ясность, чтоб я по самолётам не бегал за ней и голову не ломал в раздумьях причин её молчаний и побега.

За спиной было слышно, как Буянов продолжал грозить Марику всеми возможными и невозможными наказаниями. Если бы, хоть один процент этих планируемых мероприятий Гаврилович воплотил бы в реальность, то Марик уже давно женился и забыл дорогу «налево». Хотя, это не факт. Барсов настырный.

За всеми размышлениями, я вошёл в палатку, в которой находился только один человек. Мендель рассматривал небольшую фотографию. Рядом с ним лежали несколько писем, а сам Паша выглядел весьма бледно.

– Серый, эт... т... ты? – дрожащим голосом спросил Мендель, убирая фото и письма. – Перечитат... тать решил.

– Паш, случилось чего? – спросил я.

– Нет. Напряжённо сегодня было, вот и устал, – натянуто улыбнулся Мендель, снимая с себя куртку от комбинезона.

– Сходил бы, умылся холодной водой. Бодрит хорошо, – сказал я, готовя свою кровать к отбою.

– Да. Ты прав, – кивнул Паша и мощно выдохнул.

Что-то не так с ним. Нервное напряжение от встречи с «Томкэтами»? Так он после этого ещё летал несколько раз и был вполне спокоен и собран. А сейчас ему впору успокоительное принять.

– Паша, ты точно в порядке? Руки чего дрожат? – спросил я, когда Мендель пытался взять футляр с зубной щёткой из сумки.

– Серёга, расслабься. Просто я устал, – улыбнулся Мендель. – Ты тоже на разборе был задумчивый. Наверняка из-за Ольги?

– Это было так заметно? – спросил я, укладываясь в кровать.

– Ага. Ты, когда вошёл, Гусько в расстройстве сказал, что в споре на ваши с ней отношения его чуйка не сработала уже окончательно.

– Жаль, что разочаровал его.

– Значит, Вещевая вышла замуж, – сказал Паша, покачав головой. – У вас серьёзно всё было?

– Как видишь, нет, раз у неё серьёзные чувства были к другому человеку. Мне, вообще-то, не очень хочется об этом говорить, – сказал я, взяв книгу Пикуля.

– Ладно. Если что, обращайся. Лучший способ склеить разбитое сердце – это время и друзья, – произнёс Мендель.

Вот, вроде бы, социальных сетей нет, чтобы такие статусы можно было почитать. Странно как-то слышать от Паши такие напутствия, да ещё и после его нервного вида.

– Паша, ничего у меня не разбито. Спокойной ночи, – ответил я, и погрузился в чтение.

Мендель больше ничего не сказал и вышел из палатки.

Утром на постановке задач понимания, чего от нас хочет командование, не было от слова «вообще».

– Где расположены основные укрепления духов в Луркохе? – спросил Паша Мендель у представителя разведки 4й мотострелковой дивизии.

– Этого точно мы сказать не можем. Главная задача сейчас...

– Как это вы не можете? Вы предлагаете нам сбрасывать куда попало? – возмутился один из лётчиков Су-25х.

– Почему же? С вами на связи будет авианаводчик, который будет находиться в непосредственной близости от объекта, – сказал разведчик, но в его словах уверенности не было.

Из общей постановки было понятно, что первыми заходят на цель дальние бомбардировщики, затем точно работают штурмовики. Вот только, куда именно сбрасывать бомбы «грачам» неизвестно.

– Я вам ещё раз говорю, товарищи лётчики, после взлёта вам всё расскажут. Пока долетите, уже будут готовы точные координаты, – объяснял начальник разведки.

– Нам лететь до Луркоха меньше 10 минут. Вы успеете за это время всей эскадрилье определить цели? – спокойно спросил Гнётов.

– Вы же с МиГ-21? – спросил разведчик, и Григорий Максимович утвердительно кивнул. – Вам только средства ПВО подавить надо. Зачем бомбить объекты?

– Так, нам же нужно знать, где эти средства ПВО стоят, – заметил Мендель.

– Мы и вам подскажем в воздухе.

Мда, такой расхлябанной подготовки у нас ещё не было. Вчера начались трения со штурмовиками, а сегодня к ним добавилось отсутствие нужных сведений о позициях духов.

– Есть ли у нас время выполнить разведку? – спросил Бажанян. – Это не дело, вот так идти в лоб на противника, не имея сведений. Вам это не хуже меня известно, – сказал Араратович, но начальник разведки только пожал плечами.

– Задача поставлена сверху. Плюс согласована с афганским руководством. Они предлагают атаковать Луркох сразу после авиации, – покачал он головой.

Через несколько минут споров, Бажанян принял командирское решение, что есть острая необходимость в дополнительной разведке укреплений. С этим предложением он обратился к Хрекову.

– Ну и? – спросил Афанасьев, когда Бажанян вернулся с командного пункта, где он связывался с Кабулом.

– Бесполезно. Сам маршал Кутахов согласовал эту операцию. Кстати, Павел Степанович собирается в Афганистан. Пока не сказал когда, но желает прибыть и лично контролировать проведение операции в Луркохе, – сказал Бажанян, кинув на стол свой блокнот. – Мы вас услышали, товарищ разведчик, – тихо произнёс Араратович и отпустил коллегу с мотострелковой дивизии.

Необходимые расчёты сделаны. Районы, по которым будем наносить удары, определены. Время начала операции доведено.

Нам пришлось ещё пару раз поспорить с коллегами из штурмовой авиации и только затем разойтись по своим самолётам. Когда осматривал самолёт, обнаружил, что его внешний вид слегка изменился. За ночь на него нанесли много красных звёзд, которые указывали на количество боевых вылетов на этом борту.

– Елисеевич, решил украсить? – спросил я, указывая на красные звёзды на фюзеляже.

– Да я посмотрел, у Барсова нарисованы. Его техник с первого дня ему за каждые 25 вылетов рисует. Вот и тебе решил нарисовать, – сказал Дубок, поглаживая фюзеляж. – Самолёты тоже поощрять надо. Они же, как живые.

– Согласен, – сказал я, взглянув на семь красных звёзд. – А как ты смотришь на то, чтобы и эмблему какую-нибудь нанести?

– Как у Литвак во время войны? – спросил Дубок. – Ты извини, но цветочек тебе не подойдёт сюда.

Вновь напомнил мне про цветы, Елисеевич. Опять я вспомнил вчерашний день и то, как мне достался тот самый букет хризантем. Всё никак не могу отойти от мысли, что мной так попользовались. А ведь как говорила эта принцесса, что ей с парнями тяжело и она мало кому доверяет.

– Зачем цветы? Птицу какую или хищника. Подумай, – похлопал я по плечу Дубка и полез в кабину.

– Обычно я тебя сажаю, а тут ты сам полез, – улыбнулся Елисеевич, смотря на меня словно отец на сына в первом классе.

– Конфету давай, а то, как в прошлый раз получится в Хосте, – сказал я и Дубок угостил меня своей фирменной сладостью.

Наступает время «Ч».

– Внимание, я 202й, группе 2 доложить о готовности, – запросил в эфир Бажанян, который шёл с нами старшим группы, а для меня он ещё был и ведущим в паре.

В течение нескольких секунд все наши лётчики вышли в эфир с докладом о готовности

– 216й готов, – вышел я в эфир после всех экипажей.

– Янтарь, группа 2 к запуску готова, – сказал Бажанян, и все стали ждать команды от руководителя полётами.

В это время в воздухе уже начали работать дальние бомбардировщики, которых прикрывало дежурное звено с Шинданда. Эфир второго канала боевого управления был полностью забит докладами и командами их группы.

– Внимание, группе 2, запуск, – дал команду нам руководитель полётами.

Самолёт загудел, приборы начали свою работу, а в ушах начали звучать команды на запуск штурмовикам. Их группа под номером 3 замыкает всё наше построение.

По готовности начали рулить по магистральной. Бажанян возглавляет всю нашу вереницу, а Гнетов замыкает. Периодически ставлю себе канал боевого управления операцией, чтобы знать обстановку в воздухе. Судя по крикам, Хреков недоволен медленными темпами работы дальней авиации.

– Живее можно освобождать воздушное пространство? Не одним вам нужно сегодня поработать, – ругался он на кого-то из бомбёров.

Кричи не кричи на них, а быстрее дальники точно развернуться не смогут. Такие махины маневрируют плавно и медленно. Снова возвращаюсь на стартовый канал и слышу, как нам дают команду занимать полосу.

– Ветер слева, выстраиваемся колонной пар, – дал команду Бажанян, проругив немного вперёд.

Всё построение на полосе заняло у нас пять минут и до расчётного времени взлёта оставалось ещё достаточно, чтобы проверить расчёты.

– 202й, группе взлёт, – дал команду руководитель полётами.

– Понял. Внимание, 216й выводим, – сказал мне Бажанян.

Отклоняю рычаг управления двигателем, обороты идут вверх, и вот уже стрелка подошла к 100%.

– Готов, – доложил я, держа самолёт на тормозах.

– Паашли! – командует Араратович, и мы одновременно включаем форсаж.

Происходит толчок вперёд от включившегося форсажного режима двигателя, и я отпускаю тормоза. Взлетаем. С нашей боевой зарядкой в тонну бомб, самолёт после поднятия носа долго бежит и отрывается почти с края ВПП.

– Шасси... убрано, – сказал Бажанян, и я перевёл кран в соответствующее положение. – Влево с набором 5500.

Скорость установилась. В эфире уже слышу, как за нами взлетела следующая пара. Интервал между нами не больше 20 секунд, чтобы не растягивать строй. Вот уже вторая пара пристраивается к нам, и мы вместе следуем в назначенную точку начала боевого пути.

– Эллипс, группа 202го, иду с каплями и кассетами. Под ваше управление, – сказал Бажанян, доложив, что у нас подвешены на самолётах бомбы и разовые бомбовые кассеты РБК.

– 202й, курс расчётный, – дал нам команду ОБУшник.

Через три минуты мы в районе населённого пункта Фарах. Выполняем разворот на боевой курс и выходим на связь с авианаводчиком.

– Полог, 202й, на боевом, дайте целеуказание, – запросил Бажанян, разворачиваясь на Луркох.

Среди пустынной местности этот частокол из каменных вершин смотрелся очень необычно. Дальники отработали по этому району очень мощно – клубы пыли и дыма поднимались выше горных вершин. Примерный район удара был нами определён ещё на постановке, но ведь нужно знать точно, куда бомбить.

– Полог, 202му, на боевом, дайте целеуказание, – повторил Бажанян, но ответа не было.

– 202й, боевой курс заняли? – вышел в эфир уже Хреков.

– Точно так, Эллипс. На боевом, но цель не наблюдаем.

– 202й, вам выход во 2й район, 12й квадрат, связь с Торосом, – подсказал нам Хреков.

Я сразу начал глядеть в наколенный планшет. Для такого манёвра, нам нужно развернуться вправо и обойти склоны с южной стороны Луркоха. Фотопланшетов того района у нас не было.

– Понял, – расстроено выдохнул Бажанян. – Группе, выход правым разворотом на курс 210.

Плавно стали разворачиваться, пытаюсь удерживать необходимый интервал и дистанцию. Представляю, как неудобно сейчас нашим замыкающим.

– 216й, 202му, – запросил меня Бажанян.

– Ответил.

– Есть карта? У меня нет этого района на фотопланшете.

– И не будет. Его нам не приносили.

– Вот и полетали! – выдохнул Араратович.

Я внимательно ещё раз посмотрел на карту района города Фарах, а затем и на район Луркоха. У меня закрались сомнения по поводу правильности этого разворота.

– Эллипс, 202й готов на связь перейти с Торосом, – запросил Бажанян.

Я начал нервно смотреть по сторонам. Очень странное ощущение, что совершенно не туда летим. И почему я не слышу в эфире «Грачей»?

– Торос, Торос, 202му, – стал спрашивать авианаводчика Бажанян, но в ответ снова тишина.

Если смотреть по нашему местоположению, то пора уже нам и развернуться для подхода к цели. Вот только таким большим количеством нужно работать сходу, а у нас нет ни данных о цели, ни связи с авианаводчиком.

– Торос, 202му, – запросил Бажанян.

– Отвечаю, 202й.

– Торос, 202, группой 8 единиц с каплями и кассетами, к вам для работы. Текущий курс 210, – доложил авианаводчику Бажанян.

– Вас понял. Вижу вас. С южного направления подходите. Разворот влево на курс 20, снижение 2000, работать парами. Цель – западные склоны. Ориентир – левый берег горной реки

– Понял вас.

Это уже другое дело! Выполняем левый разворот и начинаем пикировать. Цель уже видна в прицеле и визуально.

– Главный включил. Разрешите работать? – запросил Араратович, когда мы уже пикировали в район сброса бомб.

Органы управления вооружения включены. Держусь слева от ведущего. Вижу берег реки, тянущейся от центральных вершин горного хребта. Несколько строений внизу, по которым сейчас будет совершён удар. Ничего не останется после такого удара, даже если не будет прямого попадания.

Откидываю колпачок с кнопки РС. Марка на прицеле в центре, и загорается лампа разрешения сброса ПР. И почему не даёт разрешение на удар Торос?

– Торос, разрешите работу! – громко говорит в эфир Бажанян.

Нельзя отвлекаться от цели в момент пикирования, но что-то внутри заставило меня поднять голову. Знакомые силуэты появились совершенно из ниоткуда. Ощущение такое, будто в тебя пустили ракеты, и ты несёшься им навстречу. Только ракеты гораздо меньше, чем эти объекты. Имя им Су-25, которые выскочили из ущелья, набирая высоту.

– Вывод! Вывод! Вправо уходи! – раздался громкий крик в эфир.

Глава 6

Пульс резко подскочил до заоблачных значений. Все мышцы напряглись и внутри сжался огромный ком. Сказать честно – обоссаться в такой момент было бы не самым плохим последствием. Тут и до разрыва сердца недалеко.

Торос кричал так, будто это в него летит самолёт и, столь сильный надрыв голоса, ему поможет. Помощь нужна нам с Бажаняном.

Мне показалось, что я смог разглядеть огромные глаза лётчика, мчащегося навстречу.

– Вправо! Вправо! – услышал я команду от Бажаняна.

Я резко переложил самолёт в правую сторону, наблюдая, как Араратович прижался ко мне вплотную. Если я заложу крен сильнее, то могу уйти в сваливание и машину уже не выведу, а если мало – ведущий меня зацепит.

– Не могу держать. Снижаюсь! – сказал я, продолжая нестись в ущелье.

На дне этого узкого желоба тонкая нить горной реки. Самолёт можно не вытянуть. Пошла большая просадка. Внизу расположен кишлак, а у меня полная зарядка. Надо пытаться вывести самолёт, чтобы не погибнуть на этих склонах, уводя самолёт в гору.

Выравниваю самолёт по крену, но высоты очень мало. Перетягивать ручку нельзя. Тоже есть вариант свалиться. Кишлак уже подо мной.

– Серый, не выведешь, прыгай! – слышу голос Араратовича.

Начинаю вытягивать самолёт, но ручка почти не слушается. Вот-вот сейчас зацеплю крыши домов!

– 202й, прыгай! – кричит уже мне авианаводчик, чей голос тонет среди помех.

– Кишлак! – отвечаю я, продолжая тянуть ручку на себя, удерживая самолёт педалями от скольжения.

– Прыжок, прыжок! – снова грозная команда от Араратовича и я взмываю, устремляясь вверх.

Выравниваю самолёт по горизонту. Впереди вижу своего ведущего, плавно набирающего высоту в развороте.

Давно не испытывал такого облегчения в душе. Перед глазами стояла очень печальная картина, что я мог бы сейчас погибнуть. Я не думал, были ли в кишлаке духи в тот момент. А вот о детях, женщинах и стариках очень даже. И все они хотят жить, как и я.

– 202й, наблюдаю, разрешите пристроиться слева.

– 216й, ух... разрешил. Что там, на земле? – устало спросил Бажанян, будто пробежал стометровку.

– Смотрю, – сказал я, бросая взгляд влево.

Над районом, где был кишлак, поднимается дым. В километре был объект, по которому отработали штурмовики. А сейчас туда сбрасывают бомбы остальные.

– Не разобрать, 202й, – пристроился я к самолёту Араратовича. – Слева на месте.

– Понял. Куда остальные попали, Торос? – запросил Бажанян у передового авианаводчика ПАНа.

– Наблюдаю, 202й, – ответил он. – Первый заход отработали хорошо. Цели поражены.

Мои нервы, которые были натянуты, словно струна, начали расслабляться. Во рту всё пересохло, а левая рука только начала успокаиваться после тряски. Вот только в спине снова боль появилась. Не такая, чтобы сразу идти на посадку, но ровно сидеть мешает.

В эфире уже пошли доклады от лётчиков нашей группы, о занятии безопасной высоты и готовности к повторному заходу на цель.

– Почему медленно? Продолжать работу. Динамика, динамика! – дал команду в эфир Хреков. – 202й, вашей паре на посадку. Потом поговорим.

– Понял. Торос, я 202й, с вами конец связи. Ухожу на Янтарь, – сказал Бажанян.

– 202й, понял. Спасибо за работу, – как ни в чём не бывало, попрощался с нами авианаводчик.

– Да ну вас! – громко сказал Бажанян.

Тут же мы перешли на стартовый канал, где очень громко передавал свои эмоции Афанасьев. Его голос я узнал сразу.

– Кто это был? Дайте мне позывной этого балбеса, и я с ним поговорю сейчас на земле! – ругался рыжий подполковник в эфир, совершенно не стесняясь, что его услышат.

Сильно мешает он своими разговорами. Группе руководства полётами не даёт нормально сформировать поток самолётов на посадку.

– Какого лешего происходит? Вы откуда появились, «грачи»? – выругался в эфир Бажанян.

И этот туда же! Сядем, а потом хоть морды бейте. Не желательно, но посмотреть было бы интересно, хоть и драться между собой нехорошо.

– У меня встречный вопрос. Вы чего там делали, «весёлые» вы наши? – отвечал ему Афанасьев.

Что-то мне подсказывает, что на земле будет о чём поговорить двум подполковникам в ожидании генерала. Правда, надо ещё сесть.

– 202й, рассчитывайте заход с ходу, посадку парой, – дал нам команду руководитель полётами.

Это разумно, поскольку скорость на посадке у нас больше. Взлетели мы раньше, значит, и топлива меньше. Но Афанасьев думал по-другому.

– Янтарь, я 301й. Мы готовы парой с ходу зайти. Уже в районе третьего разворота, – вышел он в эфир.

Визуально, я обнаружил пару Су-25х. Вот только третьим разворотом там и не пахло. Идут они в нескольких километрах от нас. То есть, находятся дальше от аэродрома, чем мы, а у нас место явно не на третьем развороте полёта по кругу.

– 301й, вам правый вираж. На посадку после пары 202го.

– Понял, – недовольным голосом ответил Афанасьев.

После посадки и заруливания, Дубок отчего-то был очень даже радостным. После того, как он вынул меня из кабины, протянул мне интересный эскиз.

– Хм, не совсем понимаю. А что это? – спросил я, разглядывая лист с рисунком, выполненном в карандаше.

– Я попросил кое-кого в штабе тебе эмблему нарисовать. Человек не отказался.

– Неплохо. Надо у Араратовича лучше спросить, чтобы он был не против наших с тобой украшений фюзеляжа, – сказал я и заметил быстро идущего в мою сторону Бажаняна. – Только не сегодня.

– А чего ждать? Вон, же он...

– Родин, за мной, – прорычал Бажанян, пролетев мимо нас, словно раненый секач.

– Я понял, Сергеич, – кивнул Дубок. – Лучше не сегодня. Чего случилось?

– Да, мы во время полёта...

– Живее! Я не хочу после него прийти в класс, – крикнул Бажанян, отойдя от нас на несколько метров.

– Потом поговорим. Классный рисунок, Елисеевич, – сказал я и отдал бумагу Дубку.

– Погоди. Я посмотрел, куда пуля попала, – тихо сказал мой техник.

Сначала не сразу сообразил, о какой пуле сейчас он говорит. Но потом память вернулась – вчера же подарил мне Дубок на память это стрелковое средство поражения.

– Ты про ту, что в подголовнике? Ну не попала и ладно. Давай попозже, – торопился я.

– Сергеич, если бы ты это в полёте получил, то...

– Вот ты правильно мыслишь. Кабина не потела, разгерметизации не было. Значит, её схлопотали либо до меня, либо во время обстрела аэродрома духами. Елисеевич, нас сейчас Бажанян уделает. Потом поговорим, – перебил я Дубка и рванул за Араратовичем.

Чего так распереживался Елисеевич? Ну, нашёл пулю, и что с того? Я же не первый на этом борту летаю. Может, предыдущий лётчик получал очередь и садился с разгерметизацией. Мало ли таких случаев было.

Войдя в штаб, я и Бажанян сразу направились в класс. Путь пролегал мимо открытых дверей кабинетов «строевиков» и кадровиков. Занимались эти штабные пчёлки разбором документации и громким обсуждением насущных вопросов – что в газетах пишут, на ужин, что готовить будут, когда поездка в город состоится. Стоит ли говорить, что шум от девушек был сравним с гулом на партсобрании.

– Ой, товарищ подполковник, тут... – выскочила в коридор светленькая толстушка с розовыми щёчками, словно у молодого поросёнка.

– Потом, Зоя. Вы чего тут как сороки стрекочете? – возмутил Бажанян и жестом подозвал к себе солдата, стоявшего у дверей.

– Рабочие моменты обсуждаем, товарищ подполковник, – вышла вслед за Зоей брюнетка Ася.

Шла рядовой Кисель медленно, картинно виляя бёдрами. В мою сторону она не смотрела, делала вид, что я ей неинтересен. И, тем не менее, пару раз глаза Аси пробежались по мне снизу вверх.

– Тут Родину передача с Союза. Экипаж транспортника приходил и оставил, – сказала светленькая Зоя, возвратилась в кабинет и вернулась уже с коробкой.

Интересно, и кто это меня решил порадовать? Я держал в руках простую коробку, запаянную и весьма увесистую без подписи и марок.

– От кого? – спросил я.

– Не знаем, – сказала пухленькая Зоя, мило мне улыбнувшись. – Как будто тебе некому присылать посылки!

– Кхм! – громко прокашлялся Араратович, обозначая своё присутствие.

Когда подошёл солдат, Бажанян распорядился принести воды в класс подготовки. Сейчас нашему заму по лётной подготовке точно нужно слегка расслабиться, иначе он может кого-то покалечить. Предупредив о намерении Хрекова зайти в штаб после посадки, Бажанян со мной пошёл в сторону класса.

– Как так вышло? Ты слышал их в эфире? – спросил у меня Араратович, сняв с себя куртку от песочного комбинезона и оставшись в одной майке.

– Нет. Тишина. Это же Торос крикнул, чтобы мы вправо уходили, – утвердительно сказал я.

– Сто процентов авианаводчик. Ай, мамой клянусь, я этому рыжему сейчас всё оторву, чтоб он перестал наезжать, – сказал Бажанян, принимая от вошедшего солдата графин с водой и стакан.

Возникла небольшая пауза в разговоре. Араратович глубоко дышал, ругаясь на своём родном языке. Через открытые окна поступал жаркий воздух, а по магистральной рулёжке уже рулила пара Су-25х.

Всё ближе и ближе был «Командирский кризис»! Не думал, что у меня возникнет такая мысль, но сейчас нужен Хреков. Двух подполковников, если они сцепятся не остановить.

Через некоторое время в класс влетел Арсений Павлович в сопровождении своего ведомого, тоже молодого лейтенанта. Подполковник вот-вот должен был вскипеть.

– Что за дела, Тигран Араратович? Вы лично чуть не убили вместе с собой троих? – спросил Афанасьев, бросая на один из столов планшет, карту и шлем с маской.

– Вот вы мне и скажите, товарищ подполковник. Я сейчас, как врио командира разговариваю, а не равный вам по воинскому званию! – воскликнул Бажанян. – Почему не прослушивали радиообмен?

– Наверное потому, что вы сами были в режиме радиомолчания, так? Вы почему не слышали наш радиообмен и команду Полога об уходе? – продолжил спорить комэска штурмовиков.

Вспомнили они и плохую постановку задачи, и кто и как заходил на посадку, и очередь за водой, и громкие голоса ночью из палатки. Как дети, ей богу!

Эмоциональный Бажанян пыхтел, как паровоз. Арсений Павлович не отставал и пытался изо всех сил сказать завершающую фразу, чтобы выйти победителем в этом споре, но Араратович не сдавал позиции.

За ругательством подполковников как-то остался незамеченным тот факт, что большая часть самолётов села и уже заруливала на стоянку. Прилетел и Ан-26 с Хрековым, заруливший прямо перед КДП, чтобы генералу быстрее добраться до штаба.

Не прошло и нескольких минут, как дверь в класс открылась, и в помещение влетел Андрей Константинович.

– Молодёжь, чего уши развесили? – сказал генерал. – А ну, вышли и без команды не заходить.

Быстро покинув класс, мы с лейтенантом закрыли дверь. Слушать, что будет говорить Хреков, я не стал, а вот молодой человек проявил любопытство.

– Пошли. Как будто никогда гнева Хрекова не слышал, – сказал я, уводя лейтенанта от двери.

– Ты мне Родин скажи, как такое возможно? Почему не слышали нас? – удивлялся он, идя за мной по коридору.

– Потому что вас и не было на нашем канале. Может, частоты у вас и у нас разные были. Может ПАН ошибся, хотя он мог тоже на другом канале работать. Мы сначала с Пологом должны были работать, а нас в воздухе перенаправили уже к Торосу, – ответил я и чуть не столкнулся с Асей в коридоре.

– Аккуратнее, мальчики. Кипяток, – улыбнулась белоснежной улыбкой рядовой, чуть не уронив заварник.

– Красавица, а вы не заинтересованы в чаепитии с красивыми молодыми офицерами? – подмигнул Асе лейтенант, преграждая ей путь рукой.

– Вы меня не заинтересовали. Вот прям совсем. Так, что могу вам предложить молча удалиться по гусарски, – сказала Ася, повернувшись ко мне.

– Это как? – переспросил её лейтенант.

– Лихо и с песней, – ответила Ася.

Наверняка сейчас ещё раз мне улыбнётся, и продолжит движение в кабинет. Ловеласа-лейтенанта уже отшила, а я к ней и не подкатывал. Так что мне отсылка в место «куда подальше» не грозила.

– И вас тоже, Сергей Сергеевич. У вас есть дела... с коробочкой.

Отвечать мы ей не стали, и лейтенант пропустил Асю в кабинет, оценив её ягодицы.

На улице уже начали собираться вернувшиеся лётчики, отработавшие в этом полёте по полной. В отличие от нас, удар они нанесли точный и очень серьёзный.

– Там хорошие укрепления. Сверху видны и пушки, и миномётные батареи, и зенитки, – рассказывал Гусько. – Завтра снова будем работать.

– Уже поставили задачу? – спросил я.

– Хреков в эфир сказал авианаводчикам готовиться к повтору, – ответил мне Паша, выглядевший не самым лучшим образом.

– Ты сам как? – аккуратно спросил я, не привлекая внимание остальной толпы.

– Нормально. Почему спрашиваешь?

– Вчера ты был какой-то нервный. Устал? – спросил я, и Паша от одного упоминания вчерашнего вечера, вновь занервничал.

– Устал, – сказал он, отвернувшись в сторону аэродрома. – Что там Хреков?

– Не знаю. Там... – начал отвечать я, но тут же замолчал, поскольку из дверей вышли две хохочущие девушки.

Конечно, звонкий девичий смех привлёк внимание наших лётчиков. После стольких дней пребывания в Афганистане, как и в любой другой командировке, обращаешь внимание на противоположный пол всё чаще. Прислушиваешься к их разговорам, принимаешь запах духов, смотришь каждой прошедшей вслед. Да что говорить – каждая девушка красивая, а после полугода Афгана и подавно. Это у Марика есть способности находить себе партнёрш и спариваться с ними быстрее, чем кролики.

– Я не могу. Ржу до сих пор, – утирала слёзы от смеха светленькая Зоя, протягивая Асе грушу.

– Девчата, а что вас так рассмешило? – спросил Гусько, «подплывая» к военнослужащим женского пола.

– Евгений Савельевич, там такое в классе происходит, – с придыханием сказала Ася. – Товарищ генерал просто ураган, а не мужчина, – произнесла она, касаясь зубов кончиком ногтя.

Ну, Ася! Неокрепшая психика некоторых лётчиков сейчас сильно страдает. Каждый подумает, что это ему оказан такой знак внимания. А рябой, розовощёкий лейтенант с Су-25го, словно койот из мультика сейчас уставился на неё. Слюни ещё только не пустил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.